



Ким
Стэнли Робинсон

ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

«РОБИНСОН — УМЕЛЫЙ И
УМНЫЙ ПИСАТЕЛЬ»

INTERZONE

18+

Калифорнийский триптих

Ким Робинсон

Золотое побережье

«ЭКСМО»

1988

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Робинсон К. С.

Золотое побережье / К. С. Робинсон — «Эксмо»,
1988 — (Калифорнийский триптих)

ISBN 978-5-04-096128-3

2027 год. Южная Калифорния. Сбылась безумная мечта застройщика. Округ Ориндж слился в один мегаполис. Бесконечность высоток, автострад и торговых центров. Джим Макферсон теряет себя в этом дивном мире скоростных автомобилей, случайного секса, видеостен, дизайнерских наркотиков. Он сын успешного оборонного подрядчика, но его антивоенные взгляды провоцируют семейные конфликты. Джим постепенно втягивается в деятельность промышленных террористов-пацифистов. Вторая книга «Калифорнийского триптиха» Кима Стэнли Робинсона

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-096128-3

© Робинсон К. С., 1988
© Эксмо, 1988

Содержание

Золотое побережье	7
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ким Стэнли Робинсон

Золотое побережье

Kim Stanley Robinson
The Gold Coast: Three Californias
(Wild Shore Triptych)

Copyright © 1988 by Kim Stanley Robinson

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Калифорнийский триптих

Дикий берег

Золотое побережье

У кромки океана



Золотое побережье

Сияет бесконечными огнями колоссальный мегаполис, давно поглотивший округ Ориндж. Город поглощает и людей, маня бесконечными соблазнами – машинами, квартирами, оборонными предприятиями и наркотиками в пипетках. И даже те, кому не по нраву жить «как все», без цели и смысла, – противники ли они системы или ее составная часть? Каждый должен ответить на этот вопрос сам и для себя, как делают это молодые жители будущего калифорнийского Золотого Побережья.

1

Би-ип! Би-ип! Бип-бип.

– Ты меня подрезал! – заорал, высунувшись из окна машины, Джим Макферсон; ни в чем не повинный хозяин «Мини-Хонды» – именно ее вывела вперед автоматическая программа – недоуменно оглянулся. Древний «Вольво» резко рванул вверх, а наполовину вывалившийся наружу Джим повис, чуть не бороздя носом бетон. Эйб Бернард ухватил его за ремень и втащил обратно.

– Ну, ты даешь!

На округ Ориндж опустилась ночь, миля за милей под колеса стелется аутопия¹, в машине четверо друзей. Звезды школьной борцовской команды (сколько же это лет прошло – неужели десять?), они катаются по сиденьям «Вольво», пытаются прижать Таши Накамуру, не подпустить его к глазной пипетке с новейшим зельем Сэнди Чапмэна. Таш выступал в полутяжелом и единственный из компании сохранил приличную форму, такого не прижмешь; он победоносно выдрался из рук друзей и заграбастал пипетку, ни на секунду не переставая горланить на пару со старым джимовским компакт-диском: «Дайте мне кто-нибудь чизбургер!» Въездная полоса заворачивает еще круче, контакты с визгом цепляются за электромагнитную – силовую и управляющую – дорожку, на заднем сиденье образуется куча-мала.

– Хо-хо, а пипетку-то я вроде уронил!

– Слышь, мы уже на трассе, верно? А чего же никто не следит?

Эйб ужом протискивается на водительское место, осматривается. Все путем. Следуя своим программам, машины жужжат себе потихоньку, мчатся на север точно вдоль восьми дорожек, тянущихся по центру каждой полосы. Впереди – река красных хвостовых огней, сзади – белые подфарники. Некоторые машины сваливают на S-образные дорожки, перестраиваются из ряда в ряд – слева направо, справа налево, желтые указатели поворота отщелкивают ритм этого устремленного вперед потока, клик-клик-клик, клик-клик-клик. На ньюпортской трассе сегодня все путем.

– Нашли там эту пипетку? – голос Эйба звучит чуть недовольно.

– Ага, тут она.

Ведущая на север полоса плавно вздымается вверх, пересекая широко распластавшуюся развязку, – здесь трассы расходятся на Сан-Диего, Дель-Мар, Коста-Месу и Сан-Хоакин. Двадцать четыре бетонные ленты свиваются чудовищным – три сотни футов высоты и миля в диаметре – гордиевым узлом, «Вольво» пролетает по самой середине этого монумента аутопии, как букашка сквозь сердце великана. Старая калоша Джима загудела полутонем выше, и вдруг показалось, что они посреди посадочного поля международного аэропорта Джона Уэйна, как раз проносящегося по правую руку; в этажерке магистралей северная ньюпортская – самая

¹ Аутопия – производное от «авто» и «утопия». (Здесь и далее примеч. пер.)

верхняя, их отделяет от матушки Земли добрая сотня футов. И на многие мили вокруг – ночной ОкО. Представьте себе:

Огромная решетка света.

Вольфрам, неон, натрий, ртуть, ксенон, галогены.

Внизу квадратная сетка оранжевых уличных огней.

Сияет все, способное сиять.

Ртутные лампы: голубые кристаллы над трассами, домами, автостоянками.

Режущий глаза ксенон, сверкающий на магазинах, стадионе, Диснейленде.

Огромные галогенные пальцы прожекторов, шарящие в ночном небе аэропорта.

Красные всплески «Скорой помощи».

Неизбывное повторение: красный-зеленый-желтый, красный-зеленый-желтый.

Задние огни и передние огни, красные и белые кровавые шарики, проталкиваемые сквозь лейкоэмическое тело света.

В твоём мозгу красный стоп-сигнал.

Миллиард огней. (Десять миллионов людей.) Сколько киловатт в час?

Решетка, уложенная на решетку, от гор и до моря. Миллиард огней.

Да, округ Ориндж.

Джим закапывает себе в глаз солидную каплю новейшей продукции Сэнди, промаргивается, и тут же окружающее начинает пульсировать. В мгновенном сатори он прозревает структуру всех структур – все слои освещения ОкО, за многие десятилетия, за многие поколения. Некоторые из решеток даже приподнимаются над землей и поворачиваются на девяносто градусов, чтобы согласоваться с метаструктурой открывшегося целого.

– Я бы назвал эту твою штуку «Прозрение структур».

– Подходяще, – согласен Сэнди, – я это вижу.

– Да с такой высоты все увидишь и после таблетки аспирина, – возражает Эйб.

– Точно. И это я вижу.

– Нужно назвать ее «Согласие», – предлагает Таши.

– Точно. И это я вижу.

– Мы в центре мира, – объявляет Джим. Эйб и Таши начинают озираться по сторонам, словно они пропустили дорожный знак, – ведь должна же быть табличка или еще что, точно? – Округ Ориндж – это конец истории, чистейший ее продукт. Тысячи лет цивилизация двигалась на запад, пыталась догнать закатное солнце, а потом они пришли сюда, на берег Тихого, и дальше идти было нельзя. Тогда они остановились здесь и сделали вот это. Они были на последнем великом подъеме корпоративного капитализма, потому-то все здесь организовано чистейшим образом: покупать и продавать, покупать и продавать, и так все до самой мелочи.

– Марксист хренов.

– Им, наверное, нравились фонари.

Джим стряхивает с себя друзей и мгновенно впадает в тоску; разговор об истории возвращает его к главной миссии сегодняшней ночи.

– А ведь было совсем не так!

– Загибаешь, – говорит Таши; они с Эйбом обмениваются улыбками: Джим, бывает, такое отмочит – почище видео.

– Нет, не погибаю. Вся эта низина была покрыта апельсиновыми рощами, двести квадратных миль апельсиновых рощ, а то и больше. Здесь было больше апельсинов, чем сейчас лампочек.

– Что-то верится с трудом, – хором откликаются его друзья.

– Но это так! Округ Ориндж² был сплошным огромным апельсиновым садом, – вздыхает Джим. Эйб, Таш и Сэнди переглядываются.

– Это ж сколько деревьев, – серьезно заявляет Эйб. Таш давится смешком, а не желающего сдерживаться Сэнди охватывает приступ знаменитого чапмэновского хохота:

– А-хахахахаха, а-хахахахаха.

– Слышь, – спрашивает Таш, – а тебе не надоела дорога?

– Спрашиваешь! – орет Джим.

Эйб щелкает переключателем рядов, они сворачивают в крайний правый, а затем крутят по выездной эстакаде, пока не оказываются двумя уровнями ниже, на Чапмэн-авеню. Улица Сэнди. У нее всего два уровня, и ведущий на восток, где они и оказались, верхний из этих двух. В Эль-Модене кончается вся этажерка, они снова на земле, на шоссе с двухсторонним движением.

– Куда теперь, профессор?

– Паркуйся в молле³, – говорит Джим.

Эйб пристраивает машину, а Джим тем временем еще раз справляется по карте. Он дрожит от возбуждения – совсем ведь новая идея, эта самая миссия, эдакая самодеятельная археология. Годы чтения книг по местной истории породили в нем не контролируемый уже порыв что-нибудь такое найти, страстное желание потрогать, погладить какую-нибудь реликвию прошлого. И сегодня – великий день. Великая ночь.

Они припарковались в конце Хьюз-молла, перед рестораном «Эль-Торито».

– Здесь ведь самое старое здание округа, – объясняет Джим. – Квакерская церковь, построена в 1887 году. Они повесили здоровый колокол, но он был слишком тяжелый, и когда первый раз задула Санта-Ана⁴, все здание обрушилось. А они снова его построили. Сейчас-то не разберешь, над ним взгромодили ресторан, а в старом помещении теперь казино. Но это дает точку отсчета – вот, погляди на старой карте. А точно в ста сорока ярдах к западу, на другой стороне улицы, расположена эль-моденская начальная школа, построена в 1905-м.

– Никогда такой не видел, – сказал Таш.

– Ее теперь нет, снесли в шестидесятые прошлого века. Но двоюродный дедушка мамы ходил сюда, когда был маленьким, и он мне про нее рассказывал. Там было два деревянных здания, а между ними немощеный двор. Когда здания снесли, обломки покидали вниз, в подвалы, а потом залили все бетоном. У меня точно отмечено положение этих зданий. Западное из них прямо под видеодворцом «Пышные пышки» и его автостоянкой.

– Ты хочешь сказать, – удивляется Эйб, – что нам всего-то и надо что проломить покрытие автостоянки...

– Ну да, потому я и просил тебя захватить инструменты...

– ...пробить бетон, прокопать три-четыре фута подсыпки – и мы доберемся до руин эль-моденской начальной школы, существовавшей с 1905 по 1960 год от Рождества Христова?

– Вот именно!

– Так давай! – провозглашает Эйб. – Чего же мы ждем?

– А-хахахахахахаха...

² Orange – апельсин (англ.).

³ Молл – распространенное название торгового центра.

⁴ Санта-Ана – ветер, дующий с одноименного перевала.

Они выскакивают наружу, расхватывают инструменты, идут по Чапмэн-авеню; в окнах проезжающих машин – лица, глазающие на людей, передвигающихся пешком.

– Там ведь и закладной камень есть, – все сильнее возбуждается Джим. – И дата на нем высечена. Если бы мы его...

Посетители «Пышек» сверкают ослепительно-яркой красно-желто-синей одеждой – в этом сезоне модны основные цвета спектра, – поглощают ослепительно-яркие зеленые, пурпурные и желтые пышки, а затем погружаются в голографическую реальность африканской саванны. Четверка друзей огибают видеодворец и выходят на примыкающую к нему маленькую темную автостоянку, с одной стороны которой – глухая стена кинотеатра, с другой – глухая стена супермаркета, а в глубине – глухая стена жилого комплекса. Света не надо – хватает отраженного в низких облаках сияния ОкО. На старом, заляпанном машинным маслом бетоне, совсем рядом со стеной «Пышных пышек», нарисованы маслом крестики – пометки, сделанные Джимом во время разведывательного похода.

– Прямо вот тут.

Эйб и Таш скидывают с плеч инструменты и вытаскивают дорожное спасательное оборудование Эйба.

– Вообще-то не стоило мне это брать, – печально трясет головой Эйб. – Есть, конечно, запасное, но ведь чего не случается...

Он берет вибрационную пилу, Таш – игольчатый пробойник, вскоре бетон проломлен, еще несколько минут – и в нем вырезана основательная дыра. Треск, визг и скрежет почти без остатка тонут в городском шуме. Затем Таш с Эйбом надевают рабочие рукавицы и принимаются вытаскивать обломки. Дело не очень трудное – бетон здесь толщиной всего дюйма в четыре. К нижней стороне обломков прилепились дюймовые корки древнего асфальта.

– Просто залили старую поверхность, – комментирует Джим. – На этом месте очень толстый культурный слой.

Вскоре автостоянка украсилась квадратной дырой примерно четыре на четыре фута.

– Подумают, наверное, что кто-то пытался проникнуть в заведение и похитить формулы секретных пышек, – говорит Таш. Они с Сэнди затягивают рекламную песенку «Пышек»:

*Всем сладкоежкам радость несет,
То, что вокруг этой круглой дыры...*

– Ну так что, Джим? – вопрошает Таш. – Где же твоя эль-моденская начальная школа? Тут вроде одна земля.

– Это подсыпка. Нужно ее расчистить.

Сэнди вручает Джиму короткую алюминиевую лопату.

– Твоя очередь.

И Джим берется за работу. Джим никогда не был особенно сильным, боролся он в весе мухи, всего сто двадцать три фунта при вполне нормальном росте, и полагался не столько на грубую силу, сколько на быстроту и ловкость – даже когда тренер Бигл, по прозвищу Дикий Пес, заставлял их по четыре часа в день ворожать железо.

С умением у Джима тоже не очень – каждый взмах лопаты выкидывает жалкую горсточку земли. Раздосадованный такими результатами, он выставляет ногу вперед, поднятая обеими руками лопата резко идет вниз – но останавливается на полпути, перехваченная здоровенной клешней Таши.

– Сдурел, Джим? Ты же чуть не ампутировал себе ногу! Думай все-таки, что делаешь, ладно?

– А-хахахахахаха.

Но вот энтузиазма у него хоть отбавляй, так что через некоторое время яма достигает глубины фута в два, только теперь появляется новая трудность – как помешать земле обваливаться со стенок и засыпать дно? На место Джима встает Эйб, и дело идет быстрее; примерно через час после начала операции лопата глухо стучается обо что-то деревянное.

– Ого! И даже о-го-го! Клад!

Эйб расчищает толстый деревянный брус. Хорошее дерево, то ли дуб, то ли бук, то ли еще что в этом роде. Сухое и ничуть не прогнившее. Рядом обнаруживается обтесанный каменный блок, одна сторона его скошена и изрезана желобками.

– Отлично! – орет Джим. – То самое! Это из фундамента, на таких камнях выбивают дату.

Эйб очищает поверхность камня, но даты нет.

– А может, на другой стороне...

– Слышь, Эйб, – говорит Таш, толкая Сэнди локтем. – Сколько, думаешь, весит этот булыжник?

– Не знаю. – Эйб пинает камень. – Может, тонну.

– Да брось ты! – говорит Джим.

– Ну ладно... может, каких-нибудь семьсот-восемьсот фунтов.

– А-хахахахахахаха.

– А что, если взять на память кусок этой деревяшки? – предлагает Эйб. – Это, конечно, только для начала. – Он берется за вибрационную пилу и выпиливает часть треугольного бруса.

– Минуты две не трогай черную сторону.

Джим получает деревянную призму, нечто вроде старинной линейки. И глядит на нее с большим сомнением. Такое вот, значит, прошлое...

– Тихо! – говорит Сэнди и выглядывает на улицу. – Полиция. – Он телепат по этой части.

Сэнди спланировал путь отхода и мгновенно ныряет между супермаркетом и жилым комплексом. Он не может позволить себе даже мимолетную встречу с полицейским, тем более – арест, а тут изуродована автостоянка.

Остальные хватают инструменты Эйба и бросаются следом – в тот самый момент, когда луч прожектора заливает стоянку ослепительно-белым ксеноновым светом. Гремит стократно усиленный голос, приказывает остановиться, но они уже надежно укрылись в ходах и переходах жилого комплекса, как тараканы под холодильником. Правда, сегодня полицейские настроены решительно, нельзя же, понимаешь, позволять этим хулиганам калечить автостоянки, так что охота продолжается; врассыпную, короткими бросками четверо друзей перемещаются то в крохотные клетушки дворики, то на наружные галереи второго и третьего этажей, то в загородки мусоропроводов, то в дверные ниши... Комплекс – типичный образец архитектуры L-5, основной формы двадцать первого века, но он не так велик, как большинство жилых лабиринтов ОкО, в нем не так много хороших мест для укрытия. Пересекая очередной дворик (двенадцать на двенадцать), Джим спотыкается об игрушечного робота и роняет свою археологическую драгоценность; деревяшка со стуком куда-то улетает, Джим мечется в поисках, но недолго – выскочивший из-за угла Сэнди улоакивает его к лифту. И очень вовремя: на горизонте появляется полицейский в шлеме с инфракрасными очками, – кто его там знает, вдруг он увидит на земле тепловые отпечатки следов.

Вполне возможно. Во всяком случае, блюститель закона задерживается; скрючившись в темном проеме, Сэнди с Джимом смотрят, как луч головного фонаря обшаривает крохотный дворик, и молят Бога, чтобы их подошвы оказались достаточно толстыми.

На какое-то мгновение луч высветил обресток бруса, валяющийся у корней засохшего куста.

– Так вот, – шепчет Сэнди Джиму на ухо, – это – огрызок дерева. А это, – он тычет пальцем в сторону удаляющегося полицейского, – целая ночь в камере. Тебе, Джим, надо как-

то взвешивать, чего ты хочешь и во что это может обойтись. Нужно думать, а только потом действовать...

Они подбирают деревяшку и ныряют в противоположном направлении. К этому времени Джим окончательно утратил ориентацию, но Сэнди, в телепатическом наборе которого есть и великолепный внутренний компас, уверенно двигается на восток, затем сворачивает назад, в административно-спортивно-развлекательно-прачечный корпус комплекса, и коридором, стена которого увешана пятью сотнями почтовых ящиков, выходит на Чапмэн-авеню.

Полицейская машина так и торчит перед «Пышками». Ага, а вон впереди и Эйб с Ташем. Теперь следом за ними, через улицу и в «Вольво».

– Где это вас носило? – интересуется Таш.

– Я уронил брусок и начал искать, – объясняет Джим. – В такой темноте разве что увидишь.

– Надеюсь, ты все-таки его нашел, – возмущается Эйб. – А то пойдешь сейчас обратно.

– Да нет, вот он! Видишь?

Друзья хохочут, громко и заливисто. Все хорошо, что хорошо кончается. Они запрыгивают в машину. Включают мотор, выкатывают на Чапмэн-авеню.

– Отвезем-ка мы этот бесценный кусок в музей, а потом заедем к Сэнди, посмотрим, как там тусовка.

– А-хахаха. Сегодня, ребята, там нет никакой тусовки.

– Это ты так думаешь.

2

Следующим утром Деннис Макферсон, отец Джима, вылетел местным рейсом «Юнайтед» из Лос-Анджелеса в Национальный аэропорт Вашингтона, округ Колумбия. Когда «Боинг 7Х7» снова вошел в атмосферу, он проснулся, собрал рассыпанные по коленям бумаги и засунул обратно в портфель. Зря и вытаскивал. Конечно же, большую часть недолгого полета Макферсон продремал, но даже и читай он эти бумаги, толку было бы чуть. В Вашингтоне нужно встретиться с полковником ВВС Т. Д. Итоном, доложить о ходе работ по программе «Шаровая молния», одному из крупнейших контрактов компании «Лагуна спейс рисерч». Сам Макферсон в этой программе не занят и не знает толком, чем объясняются многочисленные задержки – прямо-таки эпидемия какая-то. Лететь полагалось бы Дэну Хьюстону, только вот Дэн сейчас в Уайт-Сэндс, пытается довести до ума спутник обнаружения-наведения, который предстоит испытать по этой самой программе. А у Макферсона были в Вашингтоне другие дела, вот на него и свалили заодно «Шаровую молнию». Слов нет.

Одно из этих дел – встреча с Томом Фелдкирком, майором из Отдела электронных систем ВВС. Фелдкирк попросил о такой встрече, не называя конкретной причины, что тоже не добавляет спокойствия. ЛСР работает на Отдел электронных систем по целому ряду контрактов, так что предмет будущих разговоров может относиться к самым разным областям.

Потому что, положив руку на сердце, ЛСР переживает трудные дни. Слишком много соблазнительных контрактов прошло мимо носа, слишком многие из полученных контрактов увязли в задержках и перерасходах. Последнее время ВВС относятся к таким проблемам все суровее и суровее, так что вряд ли беседа с Фелдкирком сулит много хорошего, о чем бы там он ни намеревался говорить.

Самолет снижается вдоль долины Потомака и приземляется. Теперь – в гостиницу.

Макферсон действует автоматически, как на автопилоте. После стольких-то повторений... ЛСР превратила его в главного мальчика на побегушках, и все по таким вот веселым делам. Приходится летать сюда раз двадцать в год, вытаскивать из огня то один каштан, то другой. (Из самолета в терминал, а потом – прямо в очередь за такси. Багаж Макферсона

состоит из одной-единственной сумки – результат долгого опыта.) Все эти дипломатического плана задания могут навести на мысль, что Деннис Макферсон – эдакий рубаха-парень, способный за минуту сойтись с разными там летчиками и утрясти любые недоразумения за бутылкой. Вовсе нет, он – человек довольно замкнутый, со строгими, сдержанными манерами, от которых некоторые собеседники даже начинают нервничать. (В такси и – к «Кристалл-Сити Хайет ридженси». На нижнем уровне бульвара Джорджа Вашингтона чуть не пробка, машины тащатся бампер к бамперу.) Нормальную застольную беседу Макферсон ведет не хуже любого другого, он только хорошо знает границу, разделяющую дружелюбие и панибратство, тем более что последнее – в контексте его заданий – выглядело бы весьма прозрачно и фальшиво, а потому – омерзительно. Это же, в конце концов, крупный бизнес, даже самый крупный: оборона. Так чего ради притворяться, что какой-то армейский недоумок, с которым приходится иметь деловые отношения, твой закадычный друг?

«Кристалл-Сити Хайет ридженси» – огромное неправильной формы пространство, заполненное зеркалами, эскалаторами, каскадирующими потоками воды и света, стенами живой блестящей зелени, наружными лифтами, галереями. Не задумываясь, автоматически Макферсон пробирается сквозь этот лабиринт, регистрируется, а затем поднимается в свой номер. Теперь – в хромо-белокафельную ванную, посмотреть в зеркало, возможно, привести себя немного в порядок перед работой.

Веснушчатая розовая кожа. Нужно побриться. Над круглым ирландским лбом – белокуро-малиновые (как их называет Люси), начинающие редеть волосы. Холодные голубые глаза, между бровей – глубокие вертикальные складки, коренастая фигура. Типичный ирландец, не слишком разговорчивый, но заряженный внутренней энергией. Ну а сейчас, что это за вид? Усталый, измотанный, чуть не затравленный. А день предстоит трудный.

И как только до этого дошло? Макферсон начинал инженером – кой черт, да он и сейчас инженер. Окончил Калифорнийский технологический институт по аэрокосмическому конструированию, за последние годы, конечно же, безнадежно отстал, но все еще способен понимать объяснения конструкторов. И Макферсон умеет видеть общую картину, где конструирование, с одной стороны, переходит в изобретательство, с другой – в администрирование. Но администрирование как таковое?... Другие менеджеры программ заняли свои посты благодаря способностям к руководству, они знают, как заставить людей работать, где нужны уговоры, а где – грубое принуждение. Да вот хоть Стюарт Лемон, начальник Макферсона. Образцово-показательный экземпляр этой породы, типичный динамичный лидер, каких готовят в бизнес-школах. Но пусть в такие игры играют те, кому это нравится. Макферсон начисто лишен наполеоновских замашек, а в том же самом Лемоне они его откровенно раздражают. Сам он просто внимательно изучает вопрос, а затем прямо и без околичностей говорит, что должно быть сделано. Спокойный, уравновешенный подход. (Душ, затем бритье.) Нет, совсем не «руководящие способности» перевели его с конструкторской работы на административную.

Ну а как же тогда все это вышло? Он и сам толком не понимает. (Теперь одежда: неброский консервативный костюм, подходящий для ведения дел в Пентагоне.) Очень распространенная ситуация: нужно объяснить технические вопросы людям, не имеющим подготовки для полного их понимания. Администраторам фирмы, филиалом которой является ЛСР, военным из Пентагона, помощникам конгрессменов... самым разнообразным людям, которые принимают самостоятельные решения и которым нужно для этого иметь ясное представление о сущности технической проблемы. Как раз это Макферсону и удастся. Почему – он не знает, но как-то уж так выходит. Он им старается объяснить, и они обычно понимают. Очень странно. Люси расхохоталась бы, возможно даже со злостью. Она считает своего мужа абсолютно «некоммуникабельным». Но именно эта способность довела Макферсона до теперешнего его положения, и ничего тут смешного – он ведь каким-то образом отошел от работы, дававшей ему радость, удовлетворение.

Полчаса надо убить, он включает видеостену на программу последних известий. Аравийская война все разгорается, теперь в нее впутался и Бахрейн; против повстанцев брошена морская пехота США, а значит, дело там серьезное. Шлемы с инфракрасными визорами производства «Хьюлетт-Паккард» дают большое преимущество в ночных схватках, но повстанцы имеют некоторое количество старых норвежских ракет «Пингвин» и наносят жуткие потери кораблям американского флота, алюминий этих допотопных крейсеров плавится, словно воск. Ну а в пустыне работают хьюзовские «Маверики», оставшиеся после тайландской войны... Похоже, во всех сорока с лишним войнах, происходящих сейчас, используется устаревшее оружие – с самыми кошмарными для демократических сил результатами.

Миновав необозримых размеров кровать, застеленную ослепительно-радужным покрывалом, Макферсон подошел к окну. Прямо перед ним высится «Башня Хьюза», гостинично-ресторанно-административный комплекс, одно из новейших зданий Кристалл-Сити. Кристалл-Сити растет не по дням, а по часам, небоскребы оборонной промышленности кажутся архитектурным воплощением этого бизнеса – стеклом и сталью сверкающие межконтинентальные баллистические ракеты, тесно сгрудившиеся на небольшом пятачке и устремленные в небо. Все деньги, распределяемые Пентагоном, проходят через эти башни, через хрустальный город оружейной промышленности.

Пора и в Пентагон, Макферсон буквально чувствует, как отключается его автопилот. Вторник, утро, Кристалл-Сити, США: пора переходить на ручное, вступать в бой...

Короткий бросок на такси. Пентагон. Сперва – в службу безопасности, чтобы выйти оттуда с опознавательным значком на лацкане, затем появляется лейтенант, они садятся на тележку и едут между белых стен гигантских бесконечных коридоров, лавируют в сплошном потоке пешеходного и моторизованного движения. Настоящие улицы. Макферсона неизменно забавляет до наглости откровенная попытка произвести впечатление. И ведь попытка эта, в общем-то, срабатывает. Пентагон, конечно, очень стар, но все равно огромен. Похоже, последняя реорганизация приняла во внимание современную моду, все указатели окрашены в яркие основные цвета и прямо пульсируют на фоне белых стен в безжалостном свете ксенона.

Отдел электронных систем ВВС, Секция управления боем. Предпочитая более неприужденную обстановку, полковник Итон приглашает Макферсона в один из расположенных в центральном дворе кафетериев. Они берут булочки и салат, после чего начинается беседа. Макферсон бегло очерчивает проблемы, возникшие у бригады Хьюстона с системой перехвата на разгонном участке траектории.

«Шаровая молния»: при одновременном запуске до десяти тысяч советских МБР система должна обнаружить их все до единой, проследить за траекториями, затем нацелить лучи наземных лазеров, работающих на свободных электронах, отразить эти лучи от летающих в космосе зеркал и уничтожить МБР, пока те еще только разгоняются. Проблема веселенькая, и Макферсон рад, что он за нее, строго говоря, не отвечает. Но сегодня именно ему приходится выслушивать нарекания полковника Итона, нарекания безжалостные и вполне обоснованные. Изложенные в вашей заявке на контракт результаты испытаний показывают, говорит Итон, что вы способны решить все эти проблемы, на которые вы мне жалуетесь. Именно потому вы и получили контракт. Так что заканчивайте, и поскорее. А то ведь может получиться, как с «Большой косилкой».

Упоминание «Косилки» заставило Макферсона зябко поежиться; эта артиллерийская программа, зарубленная Министерством обороны за некомпетентность, стала началом конца «Дэнфорт аэропейс», компании, от которой теперь осталось одно название в книгах по истории промышленных корпораций. И ведь такое бывает, крупная программа может пойти настолько плохо, что рухнет, погребая под собой всю компанию.

Вот так вот. Хорошо позавтракали, весело побеседовали. Теперь Макферсон на верхнем этаже небоскреба «Аэроджет», в конторе, арендованной ЛСР; он делает заметки по проведен-

ной беседе и пытается вспомнить, что же это они там ели? Как-то нехорошо подействовало на желудок. Салат, что ли? Ладно, бог с ним. Остаток дня он висит на телефоне; сперва – в ОкО, затем – в Уайт-Сэндс, надо сообщить Дэну Хьюстону, что дело пахнет жареным. Дэн и сам понимает; озабоченным, чуть ли не испуганным голосом он просит сделать хоть что-нибудь. Макферсон говорит, что сделает все, что может.

– Но, Дэн, это же не моя программа. Лемон может не дать мне времени что-то сделать. Да я вообще не уверен, что сумею что-нибудь сделать.

Вечером заходит майор Том Фелдкирк, и они едут через реку, в Джорджтаун. Фелдкирку лет сорок пять; бывший летчик, он одет без следов армейской строгости – в спортивную рубашку, эластичные брюки и мягкие туфли; длина черных, спадающих на плечи волос вряд ли привела бы в восторг начальство базы, на которой он когда-то служил. Отличный парень, судя по двум предыдущим встречам. Фелдкирк и Макферсон оставляют машину на подземной стоянке и выходят на мощный кирпичом тротуар, смешиваются с обычной джорджтаунской толпой. Их можно принять и за адвокатов, и за конгрессменов, да вообще за любых преуспевающих представителей вашингтонской публики. Они обсуждают Джорджтаун, модные бары. Макферсон уже прилично знаком с местностью, легко оперирует названиями ресторанов и тому подобное.

– А вот «Будда в холодильнике»! Такой ресторан ты знаешь? – спрашивает Фелдкирк.

– Нет, – расхохотался Макферсон.

– Давай тогда попробуем. Совсем не так плохо, как можно бы подумать по названию.

Они едут по М-стрит, а затем сворачивают в переулок, где, считай, ничего не изменилось с тысяча восемьсот восьмидесятого, если, конечно, закрыть глаза на металлические направляющие дорожки, проложенные по булыжной мостовой. Перед глазами Макферсона на мгновение возникают старинные монорельсовые трамваи, но он тут же выкидывает их из головы. Не стоит отвлекаться от дела.

Внутри ресторана сплошная Индия, стены увешаны свитками, изображающими Будду и различных индуистских богов: шестирукие, слогоголовые, одним словом – экзотика. Макферсон немного обеспокоен, он предпочитает не есть незнакомую пищу, но в меню оказывается целых два десятка страниц, получить можно буквально все, чего душа пожелает, но к каждому блюду полагается некоторое количество отличных буддистских овощей. Ну – это не страшно. Он заказывает филе лосося, а Фелдкирк – какой-то азиатский суп. Несколько лет службы на Гуаме развили в нем вкус к подобной пище. Некоторое время обсуждается тихоокеанская ситуация.

– Советы контролируют ключевые точки, – говорит Фелдкирк, – но теперь мы разместили свои силы в окрестностях всех этих районов, так что тут ничего страшного.

– Но Японии и Корее не позавидуешь.

– Верно. Только ведь японцы и сами могут обеспечить передний край своей обороны, последнее время они очень лихо вооружаются. Ну а мы прикроем их сзади, ситуация не такая уж и скверная.

– А Корея?

– Ну...

Заказ принесли, за едой они обсудили сперва бейсбол, а затем – технические аспекты войны в Бирме. Макферсон потихоньку оттаивает. Ему нравится этот парень, с ним можно иметь дело, вроде как родственная душа. Фелдкирк грустно рассказывает о двух своих сыновьях, оба они сейчас в Аннаполисе⁵.

⁵ Аннаполис – город в штате Мэриленд, где расположена Военно-морская академия.

– На Гуаме мы честно ходили в море, но разве я думал, к чему это приведет. – Глядя на выражение его лица, Макферсон смеется. Но как бы там ни было, в Аннаполис жутко трудно поступить. – А твои ребята? – спрашивает Фелдкирк.

– У меня только один. Все еще болтается в Ориндже, преподает на вечерних курсах, по совместительству прирабатывает в агентстве по торговле недвижимостью. Станный он какой-то, – сокрушенно качает головой Макферсон. – Без программы в голове.

Теперь смеется Фелдкирк. Покончив с едой, они никуда не торопятся, сидят за бокалами и сыром, смотрят на сливки вашингтонского общества, болтающие за столиками. Фелдкирк откинулся на спинку стула.

– Ты, наверное, не можешь понять, чего это мне понадобилось поговорить с тобой?

Макферсон приподнял брови: вот оно, начинается.

– Конечно.

– Понимаешь, у нас появилась мысль об одной системе, мне хотелось бы ее обсудить. Начнем с того, что «Ар-Экс-16» почти готов.

– Действительно?

«Ар-Экс-16» – это ДУМ, дистанционно управляемая машина фирмы «Нортон»; в некоторых кругах Отдела электронных систем новинка вызывает прямо-таки неумеренные восторги: полностью автоматизированный реактивный самолет, строго засекреченная скорость которого приближается, по всей видимости, к семи звуковым, способный делать виражи и прочие маневры, которые раздавили бы живого пилота перегрузкой. Изготовленный по технологии стелс из кевлара и прочих легких материалов, он дает радарный рефлекс не больший, чем у мухи. В действительности Макферсон знал, что «Ар-Экс-16» – плод наиболее успешного из последних контрактов «Нортропа» – запускается в производство, но предпочел об этом умолчать.

– Да. Шикарная машина. – В глазах Фелдкирка мелькнуло что-то вроде зависти. – Вот на таком бы полететь... Только похоже, что время пилотируемых боевых самолетов прошло. Как бы там ни было, у нас появились некоторые мысли насчет использования этой машины на европейском театре...

Понятно, использовать против угрозы вторжения стран Варшавского договора, использовать в великой неопределенности, которая десятилетие за десятилетием вынуждает великие державы доводить свои обычные вооружения до все большего совершенства.

– И что?

– Ну, вот как мы думаем. Аппарат готов. По-видимому, некоторое время он будет быстрее и маневреннее всего, что появится у Советов. И если танки все-таки попрут через границу, очень хотелось бы использовать против них «Ар-Эксы», ведь тогда поле боя может превратиться фактически в тир. Мы видим это примерно так: «Ар-Эксы» валяются на полной скорости со своих шестидесяти тысяч футов, переходят на бреющий, скрытно осматривают местность, находят по дюжине танков каждый, бьют по ним ракетами «Сталкер-девять» и снова уходят на высоту. А затем – новый заход, и так, пока не кончатся ракеты и горючее.

– Картинка, знакомая пилотам пикирующих бомбардировщиков, – замечает Макферсон. – Так, значит, вам нужна навигационная система для бреющего полета. На высоте деревьев со скоростью порядка мили в секунду, а то и больше...

– Точно.

– И ты еще сказал – скрытно.

То есть они не хотят, чтобы самолет ощупывал землю собственными сигналами, которые может засечь вражеская система обнаружения. Это находится в противоречии с требованием точной навигации и крайне усложняет задачу.

– Точно.

Стандартное оборудование для нахождения целей, продолжает Фелдकिрик, АИГ-лазер, излучающий на длине волны 1,06 микрона, тут не годится. Новое окно для прицельных лазеров расположено в промежутке от восьми до четырнадцати микронов – здесь новейшие радары русских бессильны.

– Возможно, подойдет лазер на углекислом газе. Но луч такого лазера проходит сквозь облака несравненно хуже, чем луч лазера на алюмоиттриевом гранате.

– Система должна быть всепогодной? – спрашивает Макферсон.

– Нет, только для приличной погоды, днем и ночью.

Так что их не заботит, скажем, туман. Макферсону неожиданно представляются советские танки, выжидающие туман, чтобы начать третью мировую войну...

– А вес?

– Мы бы хотели не больше пятисот фунтов, если в одном корпусе. В крайнем случае – семьсот пятьдесят, но тогда – в двух, устанавливаемых под крыльями. Это все можно оговорить.

Макферсон напряженно вздыхает. Ничего себе, ограничительный фактор.

– А мощность питания, сколько может самолет отдать этой системе?

– Порядка десяти киловатт. И никак не больше десяти с половиной.

Еще одно ограничение. Макферсон задумывается, перебирает в уме все факторы. Составные части системы существуют, нужно только собрать их вместе, заставить работать на этом автоматическом самолете.

– Звучит интересно, – говорит он в конце концов. – Думаю, мы выдвинем предложение, если, конечно, идея понравится моему боссу.

Фелдкирик трясет головой и слегка улыбается, отчего становится вдруг похожим на мальчишку:

– По этой теме мы не хотим печатать ЗНП.

– Вот как!

Теперь смысл неожиданной беседы понятен.

По закону Пентагон обязан выставлять все свои программы на открытый конкурс контрактов. Для этого в «Коммерс бизнес дейли» печатается Запрос на предложения, обрисовывающий основные характеристики требуемого оборудования. Все бы и хорошо, но советская разведка тоже покупает «Коммерс бизнес дейли», получая таким образом приличное представление об американских военных возможностях. В данном случае русские постараются быстро создать радарные системы, закрывающие это самое окно.

– Кроме того, – продолжает Фелдкирик, – если они узнают, что нужно ускорить работы по противовоздушным системам, и сумеют это сделать, все наши старания пойдут насмарку. Так что эту программу мы делаем сверхчерной и хотим поручить ее компании, которая, по нашему мнению, выполнит работы лучше, чем любая другая.

Все это, конечно же, незаконно. Теоретически. Но ведь Пентагону все-таки поручено защищать страну. Некоторые программы приходится хранить в тайне, это признает даже Конгресс. Если уж на то пошло, черные программы – обычная часть системы, некоторые из членов Комитета по вооруженным силам слышат о них чуть не каждый день. Но вот сверхчерная... такая программа остается в ведении исключительно Пентагона и выбранного им подрядчика.

Значит, ЛСР получила контракт. Прочие оборонные компании жаловаться не станут, даже если что-нибудь и прослышат – у всех есть свои секретные программы.

Фелдкирик продолжает оправдывать решение сделать программу сверхчерной:

– У нас есть и другие способы удержать Советы от броска. Поэтому нет нужды тревожить об этой системе, запугивать противника. Пока они о ней не знают, у нас есть защита – если танки все-таки попрут, им конец. Устарелые, как авианосцы, они станут легкими мишенями, что твои утки в пруду. Кроме того, теперь правительство сможет серьезно отнестись к

переговорам по тактическому ядерному оружию. Тогда Советы немного смирятся с нашими космическими установками, заодно снимется напряженная ситуация с ядерной артиллерией в Турции, Саудовской Аравии, Таиланде и где там еще. А то ведь что получается – или ты используешь эту технику в первые же минуты, или она погибла. Подобная ситуация никому и никогда не нравилась, но деваться было некуда. Ну а так мы сможем покончить с этим риском – получим способность сделать все необходимое и без тактического ядерного оружия.

– Да, – кивает Макферсон, – хорошо бы. – Сейчас ему не хочется и думать, насколько вся американская стратегия завязана на ядерное оружие. Оборона организована, мягко говоря, неумно. – Но ты же понимаешь, мне нужно переговорить с начальством.

– Само собой.

– Хотя, правду говоря, я не могу себе и представить, чтобы мы отказались от такого предложения.

– И я не могу.

Фелдкirk поднимает бокал, и они пьют за будущий контракт.

На следующее утро Макферсон звонит Стюарту Лемону.

– Да, Мак?

– Я насчет моей встречи с майором Фелдкirkом из ОЭС.

– Да? Что ему понадобилось?

– Нам предложили сверхчерный контракт.

3

Стюарт Лемон, начальник Макферсона, стоит у окна своего кабинета и смотрит на Тихий океан. День близится к концу, низкое солнце окрашивает остров Санта-Каталина в нежно-абрикосовый цвет, золотит паруса яхт, скользящих к своим стоянкам, у мыса Дана и в Ньюпорт-Бич. Кабинет располагается на верхнем этаже высотного корпуса ЛСР, на прибрежном обрыве между Корона-дель-Мар и Лагуной, прямо напротив мыса Риф. Лемон часто повторяет, что вид из его окна – лучший во всем округе Ориндж; возможно, он и прав – вид не включает ни клочка земли, кроме отдаленной глыбы Каталины.

В этот самый момент Деннис Макферсон поднимается на лифте, чтобы рассказать о своих переговорах с Фелдкirkом; Лемон думает о предстоящей встрече и вздыхает. Делать так, чтобы твои подчиненные прикладывали к работе максимум усилий, – настоящее искусство, в каждом отдельном случае нужно применять свой особый метод. Лемон давно руководит Макферсоном и давно понял, что лучше всего этот человек работает из-под палки. Взбесить его, наполнить его ненавистью – и он прямо набросится на дело, будет работать яростно и продуктивно. Да, в этом нет сомнений, но насколько утомительными стали их отношения! Взаимная неприязнь из деланой превратилась в самую настоящую. Теперь с трудом сдерживаемая дерзость, почти наглость неотесанного, лишенного всяких манер инженера не столько уже забавляет Лемона, сколько раздражает. То, что позволяет себе этот Макферсон, не лезет ни в какие ворота, и помыкать им стало почти приятно.

Звонок – это Рамона сообщает, что Макферсон уже здесь. Лемон начинает прохаживаться перед окном: девять шагов, поворот, девять шагов, поворот. Входит Макферсон, вид у него усталый.

– Вот так, значит, Мак. – Лемон указывает на кресло, а сам продолжает неторопливо расхаживать, глядя не столько на собеседника, сколько в окно. – Добыл нам сверхчерную программу, так, что ли?

– Да. Фелдкirk сделал предложение и попросил передать его фирме.

– Отлично, отлично. Расскажи-ка мне поподробнее. Макферсон описывает систему, заказанную Фелдкirkом.

– В большинстве компонентов системы нет ничего особенного, нужно только соединить их в одном устройстве, связать оперативной программой и запихнуть в достаточно маленький ящик. Но с двумя системами датчиков – для скрытного обзора местности и для обнаружения целей – тут возможны проблемы. Лазеры на углекислом газе, предложенные Фелдकिром, все еще на стадии лабораторных испытаний. Так что...

– Но ведь контракт сверхчерный, верно? Сугубо между нами и ВВС.

– Правильно. Но...

– У каждого метода есть свои недостатки. Это не значит, что мы не согласимся. Мы, собственно, не можем позволить себе роскоши отказаться от сверхчерного контракта, другого предложения может и не последовать. А в Пентагоне и сами понимают, что программа очень рискованная – потому они и пошли таким путем. И еще одна вещь, о которой не следует забывать: именно самые рискованные проекты приносят самые высокие прибыли. Как выглядит твой рабочий график?

– Ну...

– Ты достаточно свободен. Контракт по «Канадэр» я передам Бейли, и тогда ты сможешь полностью заняться этой штукой. Послушай, Мак. – Самое время воткнуть пару булавок. – Дважды подряд ты руководил составлением предложений, проигравших конкурс. Проекты оказались чересчур сложными, к тому же оба раза ты едва успел подать бумаги в срок. А ведь это крайне важно – подготовить предложение на пару недель раньше срока, показать ВВС, что тебе это раз плюнуть, что ты хорошо знаком с тематикой. Теперь ты получаешь сверхчерную программу, у которой вроде бы и нет никаких крайних сроков. Но в работе, организованной таким вот образом, минуя обычные каналы, самое главное – справиться с заданием быстро, пока не изменилась обстановка. Ты меня понимаешь?

Словно не слыша Лемона, Макферсон смотрит в окно, уголки его рта плотно сжаты. Лемон почти улыбается. Ведь точно, Макферсон так по сию пору и считает свои провалившиеся предложения лучшими из поданных; он все еще не понимает, что стремление к совершенству – недопустимая для нашего бизнеса роскошь. Проект должен обеспечивать высокую отдачу на каждый израсходованный доллар, а для этого необходим трезвый реализм. Именно то, что есть у Лемона. Именно то, что и обеспечило ему занимаемый сейчас пост. И на этот раз придется погонять стадо даже чуть строже, чем обычно.

Он прекращает расхаживать и тычет в сторону Макферсона пальцем; Макферсон вздрагивает.

– Руководить проектом будешь ты – этого, как я понимаю, хотят ребята из Пентагона. Но я хочу, чтобы все было сделано быстро. Ты это понимаешь?

– Да.

Макферсон снова молчит, но все ясно и без слов – его глаза горят яростью и презрением. Это лицо читается так же легко, как буквы дорожного знака. **СВОРАЧИВАТЬ ЗДЕСЬ**. Теперь он пойдет на место и будет работать как заведенный; разобьется в лепешку, чтобы выполнить программу как можно скорее и сунуть ее Лемону в глотку. Вот и прекрасно. Именно такая работа и делает отдел Лемона одним из самых продуктивных в ЛСР при всех неисчислимых технических трудностях. Работа всегда выполняется.

– Закончишь предварительное техническое задание – сообщи мне. Потом полетишь в Вашингтон.

– Система поиска целей и управляющая программа, с ними так быстро не разберешься...

– Прекрасно. Я совсем не отрицаю, что есть вопросы, нуждающиеся в разрешении, они есть всегда и во всем, так ведь? Нужно только, чтобы они разрешались с предельной оперативностью. – Теперь самое время для малой дозы начальственного раздражения. – И я не хочу больше слышать, что кто-то там увяз в том или сем. Никаких отсрочек, я устал от оправданий объективными трудностями.

Пробормотав сквозь крепко стиснутые зубы нечто отдаленно похожее на «до свидания», Макферсон покидает кабинет. Лемон не может сдержать смеха, хотя отчасти взъярился и сам. Это какой же наглец! Просто забавно, на что приходится идти, чтобы заставить некоторых работать по-настоящему.

А теперь – последний на сегодня посетитель, Дэн Хьюстон. С Дэном Лемон видится часто. Вот вам человек совершенно иного, чем Макферсон, типа – слабее, конечно, в области техники, но при этом несравненно лучший в обращении с людьми. Они с Лемоном дружат еще с того давнего времени, когда вместе начинали работать в «Мартин Мариетте». Затем один и тот же охотник за головами заманил их обоих в ЛСР; Лемон получил тогда более высокую должность, причем с годами эта дистанция не сократилась, а выросла. Другой мог бы и обозлиться, но Хьюстон не из завистников. Его Лемон берет приветливостью и дружелюбием. Если на Дэна нажать, тот только обидится, помрачнеет и станет работать медленнее. Его нужно приободрить, не столько толкать, сколько тащить. Ну и, если уж по-честному, Дэн Лемону нравится. Хьюстон взирает на своего начальника с восхищением, они проводят много времени вместе – ходят на яхте, играют в бадминтон, гуляют по парку вместе со своими союзницами, Дон и Эльзой. Короче говоря – они дружат.

Поэтому Хьюстона он встречает сидя, и они смотрят в окно на яхты, которые возвращаются в Ньюпорт, лавируя против ветра. И дружно смеются, увидев особо грубую ошибку. Затем Лемон спрашивает, что там новенького с «Шаровой молнией», и Хьюстон начинает обычный скулеж.

Это – один из трех крупнейших контрактов фирмы, и внутренне Лемон кипит – серьезные задержки просто недопустимы. Но приходится сочувственно кивать.

– Никто так и не решил проблему минимального времени облучения, – говорит он, словно рассуждая вслух. – Слишком уж большие энергии. ВВС хотят, чтобы мы творили чудеса.

– Да, но, подписывая контракт, они были уверены, что мы эту проблему уже решили.

– Я знаю. – Конечно же, знает. Кому же еще и знать? Ведь именно Лемон одобрил ссылку на результаты Хантсвилльских экспериментов. Все-таки Дэн бывает придурковатым... – Послушай, а ты привлекал к этому Макферсона?

– Ну, попробовал один раз... Он воспринял идею довольно кисло.

– Я знаю. – Лемон сокрушенно качает головой. – Но ведь Деннис с норовом, что твоя примадонна. – Тут нужно поосторожнее, ведь Дэн и с Макферсоном дружит. – Есть немного. Приведи его к себе, пусть поговорит с конструкторами, с программистами. Может, что-нибудь и предложит. Деннис будет занят своей собственной работой по новому проекту, но я скажу, чтобы он выкроил время. Нельзя же, в конце концов, день за днем с утра до вечера непрерывно работать над одной и той же темой.

– Нет, конечно. Обязательно получают паузы – то одного ждешь, то другого.

Дэн, похоже, доволен; ему очень хотелось получить помощь. А у Макферсона отличное техническое чутье, тут уж не поспоришь.

Кроме того, в результате Макферсон тоже увязнет в «Шаровой молнии» со всеми ее заморочками. Лемон настолько зол на этого типа, что идея приводит его в восторг. Теперь нужно надавить посильнее – как знать, вполне возможно, что Макферсон вытянет программу из дыры, нравится она ему или нет. Превосходно.

Еще несколько минут ушло на обсуждение оснастки кеча, возвращавшегося к мысу Дана. Прекрасная яхта. Затем Лемон решил, что пора и домой.

– Сегодня я готовлю *navarin du mouton*⁶, а это дело долгое.

⁶ Здесь – баранье рагу с овощами (*фр.*).

Отпустив Хьюстона, Лемон спускается на служебную автостоянку к своей машине. Дверь «Мерседеса» захлопывается с глухим приятным звуком. Лемон ставит диск Рейнской симфонии Шумана, раскуривает сигару из кубинского табака, подкрашенного умеренной дозой МДМА, и выезжает на прибрежную магистраль, ведущую к Лагуна-Бич.

День прошел вполне удачно, а удача сейчас очень нужна. ЛСР является филиалом «Арго АГ/Блессман энтерпрайзис», одной из крупнейших транснациональных корпораций; президент ЛСР Дональд Херефорд, прямой начальник Лемона, обосновался в Нью-Йорке – ведь он имеет заодно пост вице-президента «А/БЭ». Потрясающий человек, но только последние два года ему не нравится, как работает «Лагуна спейс рисерч». Известие о новом сверхчерном контракте немного снимет напряженность, вызываемую проволочками с «Шаровой молнией» и недавней серией проигранных конкурсов. Очень хорошо и вовремя. Лемон переходит на скоростную полосу, дает «Мерседесу» волю.

Нет, точно нужно будет положить в *navarin du mouton* не одну дольку чеснока, а две. И добавить один – или даже два – листика базилика. А то в последний раз получилось как-то пресновато. Будем надеяться, что Эльза сумела найти хорошую баранину. Если, конечно, она вообще удосужилась выйти из дома.

4

Деннис Макферсон покидает ЛСР чуть позже Лемона и направляется домой. Сперва через Мадди-Каньон, мимо Сигнального холма – это по бульвару, затем дорога идет налево по Ирвин, направо по Ивнингсайд, налево по Морнингсайд, а теперь – до последнего дома по левой стороне; Макферсонам принадлежит половина, выходящая на улицу, а также гараж и навес для автомобилей. Сворачивая по дорожке к навесу, Деннис замечает маленький потрепанный «Вольво» Джима, оставленный прямо на улице, и обречено вздыхает – еще один раздражающий фактор, только этого и не хватало для полной коллекции.

Дома Джим и Люси; как обычно, они о чем-то спорят.

– Ты пойми, мама, ведь Всемирный банк дает им ссуды только на выращивание товарных культур, в результате чего они перестают производить то, что нужно для собственного пропитания, не могут больше сами себя прокормить, а затем рынок для товарных культур исчезает, и им остается либо покупать пищу у того же Всемирного банка, либо идти с протянутой рукой, а кончается все тем, что хозяином ферм становится банк.

– Не знаю, не знаю, – качает головой Люси. – А ты не думаешь, что банки просто хотят им помочь? Они поступают очень великодушно.

– Мама, да неужели ты сама не видишь всей подоплеки?

– Ну, не знаю. Банк ссужает деньги почти без процентов. Тебе не кажется, что он практически отдает их за так?

– Конечно, не кажется!

Деннис идет в спальню переодеться, ему не хочется влезать в очередную дискуссию сына и жены. Спорят они бесконечно, Люси – с христианских позиций, а Джим – с псевдосоциалистических, причем оба смешивают серьезные философские проблемы с вопросами повседневной жизни, превращают разговор в какую-то кашу, неразбериху. О господи. И ведь все – по вопросам, никак их самих не затрагивающим, словно какие-то профессиональные спорщики, переливающие из пустого в порожнее для тренировки, чтобы не терять форму. Сам Деннис ненавидит споры, для него они – нечто вроде словесных драк; ведь при споре неизбежно разъяришься и будешь надолго выбит из равновесия. Такого и на работе более чем достаточно.

Деннис возвращается в гостиную и включает видеостену на последние известия. БИР-МАНСКАЯ ВОЙНА ПЕРЕКИДЫВАЕТСЯ НА БАНГЛАДЕШ. Эти двое так и продолжают спорить.

– Прекратите, – говорит Деннис.

Они поворачиваются. Джима ситуация явно забавляет, но Люси расстроена.

– Деннис, – в ее голосе слышны жалобные нотки, – мы же просто разговариваем.

– Ну так и разговаривайте, а не грызитесь.

– Да кто же тут грызется!

Однако Люси капитулирует и начинает собирать на стол, одновременно рассказывая Джиму о прихожанах своей церкви; судя по вопросам Джима, он весьма хорошо осведомлен о делах людей, которых ни разу не видел лет уж десять. Деннис проглядывает новости и выключает стену; завтра в заголовках будет практически то же самое, их только искусно перефразируют, чтобы придать сообщениям хоть какую-то видимость разнообразия. **ВОЙНА ПЕРЕКИНУЛАСЬ НА** (страну подставьте сами).

Потом они садятся за стол, Люси читает молитву, и они начинают есть. После обеда Джим говорит:

– Э-э, папа, ты прости, пожалуйста, что я тебя отвлекаю, но эта старая машина чего-то сама переходит в правый ряд, хочу я того или нет. Я уж проверял программу, сколько мог, но ничего такого не обнаружил.

– Тут дело не в программе.

– А-а. Вот как. А, э-э... а ты не можешь ее посмотреть?

Ну, теперь понятно, чему обязаны редкой честью. Деннис поднимается и молча выходит. Он раздражен – тем более что деваться некуда; трасса – штука опасная, так что, если отказаться искать неполадку, сказать Джиму: «Научись хоть что-нибудь делать своими руками», – опомниться не успеешь, как позвонят из дорожной полиции с сообщением, что машина этого идиота отказала и он разбился в лепешку, а тогда уж – кусай локти, что не захотел заниматься этой чертовой починкой. Поэтому Деннис заводит машину в гараж, ставит на пол сильный фонарь и начинает снимать кожу переклюющего механизма.

Джим тоже идет в гараж, садится рядом, на пол, и смотрит. Деннис лежит под машиной на скользящем поддоне, ездит взад-вперед, складывает все винты в одно место, чтобы не потерялись, проверяет магнитные функции всех контактов механизма... Ну да, так и есть. Два вышли из строя, еще два дышат на ладан, в результате чего управляющий сигнал передается направо, чем все и объясняется. Краткий миг торжества по случаю разрешения маленькой загадки, в которой, правду говоря, и нет ничего такого уж загадочного. Тут бы любой разобрался. Что возвращает мысли к Джиму. И снова поднимается раздражение – ну чего, спрашивается, сидит тут, весь ушел в какие-то свои мысли и даже не пытается хоть чему-нибудь научиться, а ведь без машины этой он был бы как без рук, на ней же вся его жизнь построена. Деннис тяжело вздыхает.

– Ты думаешь что-нибудь насчет настоящей работы? – спрашивает он, заменяя дефектные детали запасными (своими собственными, а они, кстати сказать, стоят совсем не дешево).

– Да, пробую найти.

Старая песенка. Да и к какой, собственно, пригоден он работе? Сколько лет посещал колледж, но так и не научился делать ничего настоящего. Конторская работа, немножко преподавания в вечерней школе... неужели он ни на что больше не способен? Деннис плотно заворачивает винт. Ну так что же умеет Джим? Ну... он умеет читать книги. Да, уж книги-то он читает. Но Деннис тоже умеет читать книги. Чтобы научиться этому, совсем не обязательно ходить в колледж шесть лет. Вот только непонятно, чего это ради должен он после одиннадцатичасового рабочего дня лежать на спине и чинить своему сыночку его машину.

Пусть хоть немного поможет.

– Послушай, возьми этот контакт, подлезь сверху и вставь его вот в эту щель.

– Сейчас, папа.

Джим обходит открытый капот машины, заслоняя при этом свет стоящего на полу фонаря, вытягивает руку с зажатым в пальцах контактом и наклоняется.

– Ну вот, сию секунду... ой!

– Что там у тебя?

– Уронил. Но я видел, куда он залетел, это между мотором и распределителем, один момент... – Он наклонился еще сильнее, пытаясь перегнуться через мотор и окончательно загораживая свет.

– Что ты там делаешь?

– Я его сейчас... а, чтоб его!

Джим падает в моторное отделение, передняя часть машины резко опускается и придавливает лежащего на спине Денниса.

– Эй, да ты что!

Слава еще богу, что у машины приличные рессоры – самим же Деннисом и поставленные год назад, – а то раздавило бы в лепешку. Он пробует выползти, двигается очень осторожно, но край корпуса упирается в ребра и... нет, ничего не получается.

– Ты меня придавил, вылезай оттуда!

– Я... э-э... я не могу. У меня вроде рука... рука застряла под этой штуковиной.

– Какая еще штуковина?

– Да вроде распределитель. Я уже нащупал этот контакт, подобрал его, а потом...

– А если ты отпустишь контакт, рука вытащится?

– Э-э... нет. Ни так, ни так не получается.

Деннис обреченно вздыхает, сдвигается боком на край поддона и нажимает. Поддон с лязгом ударяет противоположным своим краем по днищу машины, и Деннис скатывается на пол. Затылком по бетону – мало приятного, хорошо хоть не очень сильно. Ведущие контакты, естественно, прижаты к полу, нужно обогнуть их, для чего приходится извиваться ужом, еще немного – и он на свободе.

Деннис стоит рядом с машиной, потирает ушибленный затылок и задумчиво созерцает торчащие из моторного отделения ноги. Можно подумать, этот красавец просто взял и нырнул туда, головой вперед. Собственно говоря, он почти так и сделал. Деннис берет карманный фонарик и освещает внутренности моторного отделения. Голова Джима как-то странно вывернута и прижата к груди.

– Приветик, – говорит Джим.

Деннис освещает руку Джима, ту, которая засунута под распределитель.

– Так ты отпустил этот контакт?

– Ага.

Джим говорит глухо и неразборчиво, словно с кляпом во рту. Деннис наклоняется, оттягивает защелки и снимает крышку распределителя.

– Попробуй теперь.

Джим резко дергается и освобождает руку. Его голова врезается в поднятую крышку капота и вышибает металлическую подпорку, на которой та держалась; крышка громко захлопывается, чуть-чуть не перебив руку Денниса и шею Джима.

– Ой! Ух ты!

Деннис чуть опускает защитные очки и смотрит на Джима. Затем он открывает капот и ставит крышку распределителя на место.

– Так где, говоришь, этот контакт?

– У меня он, – гордо заявляет Джим, протягивая контакт одной рукой и потирая голову другой.

Дальше Деннис снова работает в одиночку. Крепежные винты он закручивает почти намертво – если Джим решит когда-нибудь снять эту крышку (держи карман шире), поневоле вспомнит, кто ставил ее в последний раз.

– А как у тебя на работе? – Осторожный вопрос Джима призван, по всей видимости, заполнить молчание.

– Порядок. – Деннис заворачивает последний винт и встает. – Следующую неделю меня почти не будет дома, придется сидеть в Вашингтоне. – Он смотрит на сына. – Ты бы зашел сюда раз-другой, поужинал.

– Хорошо. Обязательно.

Деннис складывает инструменты в ящик.

– Ну, так я, пожалуй, поеду.

– Не забудь попрощаться с мамой.

– Да, конечно.

Джим направляется к дому, идущий следом Деннис удивленно покачивает головой. Ноги, болтающиеся в воздухе... ну прямо как жук, перевернутый на спину.

Джим прощается с Люси.

– Что-то давно мы не видели Шейлу, – говорит Люси.

– Ну, как-то все так. Последние недели мы с ней почти никуда не ходим.

– Жаль. Мне она нравится.

– И мне тоже, просто и я и она были очень заняты.

– Ты обязательно к ней зайди.

– Да, обязательно.

– А еще ты бы зашел к дяде Тому. Ведь давно у него не был.

– Да, давно, но я зайду, честное слово зайду. Ладно, я поехал. Спасибо, папа.

Джим поворачивается к двери, и Деннис буквально видит, как из головы сына мгновенно улетучиваются все обещания.

– Счастливо, – говорит он. – И будь поосторожнее. Старайся не застревать башкой в моторном отделении.

Глядя на закрывшуюся дверь, Деннис рассмеялся – коротко и невесело.

5

Джим мчится по шоссе, с каждой секундой его охватывает все большая злость. Полностью поглощенный собственными переживаниями, он уже забыл и про Шейлу, и про дядю Тома. Долгое одиночество на трассе, одна из главных составных частей его жизни. И злость. Он вспоминает события, меняет их детали, переставляет, организует в новую картину – пока не оказывается, что во всем виноват отец, пока вся злоба не переходит на Денниса, оставляя самого Джима ни в чем не повинным. Чего стоит один этот взгляд поверх очков, после того как Джим сумел наконец выдраться из проклятой машины. Просто оскорбительно.

Он паркуется на Саут-Кост Пласа в подземном гараже и поднимается лифтом на верхний этаж. Это южный конец молла, и здешние квартиры – из самых дорогих во всем округе Ориндж. Через звукоизолирующую дверь доносится дробь ударных и еле слышный плеск голов. Джим входит.

Квартира Сэнди и Анджелы состоит из шести больших комнат, расположенных в ряд, как вагоны поезда. Большие окна – собственно, не окна, а прозрачные стены – каждой комнаты выходят на юго-восток; этот дом – гелиотропный. За окнами – балкон, протянувшийся во всю длину квартиры. И балкон, и все комнаты, кроме спальни, заполнены людьми, тут сейчас человек шестьдесят, не меньше. Обычная, считай, ежедневная тусовка, так что все ведут себя довольно спокойно. Сэнди еще не пришел. Джим проходит на кухню, это первая ком-

ната анфилады. Везде комнатные растения, огромные, в огромных глазированных горшках. Все растения сияют здоровьем и благополучием, можно даже подумать, что они искусственные, пластиковые; ходит шутка, что у Анджелы полимерный палец⁷.

Не заметив никого, с кем особо хотелось бы побеседовать, Джим выходит на балкон. Он прислоняется к высокому, по грудь, парапету и смотрит на огни прибрежного ОкО, подмигивающие в темпе быстрого пульса. Это – его город.

Джим в глубоком унынии. Он обрабатывает документы для фирмы, торгующей недвижимостью, и преподает на вечерних курсах трабукского начального колледжа, но и там и там – вне штата, на неполном рабочем дне. Отец считает его неудачником, а друзья – шутком гороховым. Последнее вполне понятно, Джим придерживается этой роли сознательно, ведь все его друзья в той или иной степени клоуны, так что шутки среди них ценятся очень высоко. Убери шутовство, и он превратился бы в объект чужих насмешек. Только как же все это надоело, надоело, надоело. Насколько лучше быть... кем? Да кем-нибудь другим.

Появляется Сэнди, на собственное сборище и с трехчасовым опозданием. Ну это как всегда, в точном соответствии с Уставом караульной службы.

– При-веет! – вопит Сэнди; тут же подходит Анджела Мендес, вторая постоянная обительница этой квартиры, и прерывает вопль поцелуем. Сэнди идет дальше, его веснушчатая кожа порозовела от возбуждения.

– Эй, вы, привет! Чего это вы все приутихли? – Он подходит к музыкальной стене и врубает ее децибелов этак на сто тридцать. Сисястая Лаура поет «Я хочу, мне очень нужно», аккомпанирующие ей барабаны грохочут так неистово, словно по ним лупят двадцать эпилептиков.

– Вот так! – Сэнди сдергивает с длинного бежевого дивана, стоящего в видеокомнате, каких-то девиц и начинает танцевать с ними – здесь же, среди свисающих с потолка экранов. Он не удовлетворится, пока каждый из присутствующих не протанцует хотя бы один раз, и все это понимают, и все поднимаются и начинают скакать и прыгать, и все этому рады. Сэнди мечется от одного танцующего к другому, сует свою физиономию прямо в их лица – подрагивает психованная улыбочка, бледно-голубые глаза навывкате, кажется, еще немного, и они вывалятся, закачаются на пружинках.

– Ты какой-то чересчур нормальный! Бери, попробуй эту штуку! – И вот уже у всех в руках глазные пипетки с новейшим творением Сэнди – «Социальная гармония», «Восприятие прекрасного», «Полный улет»; кто там знает, что стоит сегодня на крохотных этикетках, но заторчат все, конечно же, как пить дать. Сэнди – лучший в ОкО составитель наркотиков, знаменитость. Но он совсем не пренебрегает и более старомодными методиками; на кухне Анджела смешивает «Маргариту»⁸, наполняет ею кувшины, а сам Сэнди копошится среди домашних растений, вытаскивает из тайников гигантских размеров косяки, запаливает их от паяльной лампы, швыряет в собравшихся с криком: «Ты вот это покури!» Глядящий с балкона Джим лишь смеется. Ведь есть и другой Сэнди – тонкий, остроумный, мыслящий. Культур-стервятник, не уступающий и самому Джиму. Но это совсем не он мечется среди гостей, стараясь их завести, играет роль уматного хозяина. Интересно, а есть пипетка с ярлыком «Уматной хозяин»?

На пипетке надпись «Постижение структур» (стало быть, Сэнди предпочел это название), и Джим делит ее с какой-то парочкой, почти знакомой, он почти помнит, как их зовут. Моргнуть, еще моргнуть. Это звезды или уличные фонари?

⁷ Иметь зеленый палец – английское выражение, обозначающее особый дар выращивать растения.

⁸ «Маргарита» – мексиканский напиток на основе текилы – кактусовой водки.

– Я – обитатель ОкО в четвертом поколении, – замечает он между прочим (между ничем). – Оно в генах у меня, место это. У меня в генетической памяти, как тут было, когда тут росли апельсиновые рощи.

– У-гу.

– А вот нам бы трудно было жить таким черепашным шагом, верно?

– У-гу.

Чего-то в этой беседе недостает. Джим не совсем еще решил, какой вопрос задать: не дома ли они оставили мозги или не тяжело ли все время притворяться идиотами, но тут из двери комнаты для игр на балкон высовывается Таши.

– Эй, Макферсон, – говорит он. – Не хочешь помахать ракеткой?

Совершенно ясно, кто им потребовался. Им потребовался Джим – шут гороховый. Он играет в пинг-понг неортодоксально, а уж если прямо говорить, то неуклюже, но это все шелуха. Он нужен, и это – главное.

Артур Бастанчери как раз приканчивал Хэмфри Ригтса; передавая влажную от пота ракетку Джиму, Хэмфри, непосредственный его начальник по торговле недвижимостью, нехорошо выругался. Джим оказался лицом к лицу с Королем пинг-понга, или, короче, Кинг-Понгом.

Росту в Артуре Бастанчери, Кинг-Понге, примерно шесть футов два дюйма, он голубоглазый, темноволосый и широкоплечий. И очень нравится женщинам. К полному восхищению Джима, считающего себя социалистом, Артур – активист антивоенного движения и редактор подпольной газеты. А кроме того, – прямо-таки образцово-показательный свой парень, с которым можно иметь дело.

Некоторое время они гоняют шарик просто так, для раскочки, и Джим обнаруживает, что сморгнул, пожалуй, излишнюю дозу «Постижения структур». Сложная пространственно-временная сеть, которую плетут они с Артуром, воспринимается великолепно – но, прямо скажем, с некоторым опозданием; кроме того, за белым шариком тянется след, словно за самолетом, а это путает и отвлекает. Короче говоря, игра не сулит Макферсону ничего хорошего.

Они начинают, и все оказывается еще хуже, чем можно было ожидать. Руки у Джима быстрые, но – тут уж не поспоришь – неловкие. И у него сейчас что-то не то с восприятием времени. Почти уже смирившись с неизбежным поражением, он решает нагло идти в атаку. А ну-ка сделаем, думает он, этого в ухо долбанного комми, что, конечно же, курам на смех – ведь Джим полностью согласен со всеми известными ему политическими воззрениями Артура. Но в данный момент очень полезно вздуть в себе этакую яростную ненависть к красным.

Еще полезно не обращать внимания на внешнюю эффектность игры. Артур играет мощно, после его ударов шарик летит, что твой снаряд, и Джим вынужден делать движения, мягко выражаясь, забавные – изгибаться, скрючиваться, нырять к стенкам комнаты и всякое в этом роде... Узнав, кто сейчас играет, Анджела спешит в комнату и убирает подальше драгоценные свои растения. Вот и прекрасно, больше места для маневра.

Артур ведет с разгромным счетом, а тут еще Джим, в попытке позловреднее закрутить шарик, бьет себя ребром ракетки прямо в лоб. Это спортивное достижение вызывает общий хохот, однако боль вскоре проходит, темные пятна, появившиеся было перед глазами, исчезают, и вдруг оказывается, что удар неким странным образом стимулировал Джима. Синапсы выстроились по-новому, в мгновение ока проросли новые аксоны, и вся игра стала очень ясной и очень понятной. Он на два, на три удара вперед видит, куда предопределено опуститься шарiku.

Джим поднимается на новый уровень полной уверенности в себе и компетентности; его удары слева начинают достигать цели, при малейшей возможности резкий поворот кисти посылает шарик под таким острым углом, что тот отскакивает прямо в лица людей, сидящих напротив сетки. Теперь чередовать такие удары с прямыми слева, пологими, едва зацепляющими

край стола. Все это, в сочетании с отважными, чтобы не сказать идиотическими, нырками к стене, вытаскивающими иногда почти безнадежные мячи, меняет ход игры. Все свои последние подачи Джим выигрывает. Счет 21:17.

– Две из трех, – предлагает Артур, без тени веселья в голосе.

А вот это уже ошибка – стремиться к реваншу, когда Джим на таком подъеме. Ведь в пинг-понге, если разобраться, почти все зависит от того, с какой уверенностью лупишь ты по шарiku. Всю вторую партию Джим ощущает мощный напор энергии, энергия буквально струится сквозь него, и тут уж Артур ничего не может поделать.

Теперь Джим даже позволяет себе роскошь заметить, что соседнее помещение – видеокомната – заполняется народом. Сэнди включил установленные в игровой комнате камеры, так что зрители могут наблюдать происходящее в восьми ракурсах, на большом стенном экране и на многочисленных висячих экранах, прикрепленных к потолку серебристыми пружинами, – по всей видеокомнате толпами носятся Джимы и Артуры. Пустеет даже сама игровая комната – люди покидают ее и идут к экранам, так что игрокам становится еще просторнее.

Но у Артура все идет из рук вон плохо. Предчувствия Джима приобретают жутковатую, нездоровую отчетливость, иногда ему приходится сдерживать свой замах, чтобы дать Артуру время направить шарик в predetermined место. Какое все-таки удовольствие эта простенькая, дурацкая игра!

Вторая партия, 21:13. Артур швыряет ракетку на стол.

– Ну! – улыбается он, по-рыцарски признавая полное свое поражение. – Сегодня ты, Джим, вообще. Теперь самое время попробовать, что у них там за «Маргарита».

Возбуждение Джима начинает спадать, он оглядывается по сторонам. Таши и Эйб даже не заходили ни в игровую, ни в видеокомнату. Жаль, что ребята пропустили такое зрелище, лишний раз убедились бы, что Джим – не только шут гороховый. Ну да ладно, ведь воздаяние за любое действие – в нем самом, верно?

Вот только убедить себя в этом бывает очень и очень трудно.

– Отличная игра.

Джим поворачивается и видит Вирджинию Новелло. И снова адреналин в крови. Вирджиния – бывшая союзница Артура (они разошлись всего месяца два назад); для Джима она – воплощенный идеал. И вот этот идеал стоит тут, прямо перед ним.

Длинные прямые волосы, густые и белокурые, выгоревшие на солнце, но все еще чуть рыжеватые.

Да, есть такая краска для волос, и ее называют «Золото Калифорнии».

Рост чуть ниже среднего.

Фигура, ради которой женщины ездят на воды и изнуряют себя упражнениями.

Вирджинии это не нужно.

Блузка без рукавов, с низким воротом, вышитая белым по белому.

Сильные бицепсы, маленькие, словно игрушки, трицепсы, четко рисующиеся под гладкой загорелой кожей. Полный отпад.

Эстетические идеалы меняются со временем, но чего, спрашивается, ради?

Лицо калифорнийской модели: маленький изящный нос, изогнутый рот, широко посаженные синие глаза.

Идеал внешности, признанный в обществе, только и пекущемся, что о внешности.

Веснушки на щеках, прикрытые загаром, который вот-вот начнет шелушиться.

Этот красный стоп-сигнал в голове...

Да, думает Джим, это вполне оправдывает небольшую дозу адреналина. Ясное дело, теперь прекрасны все и каждый, ведь мы же, как ни кинь, в Калифорнии, но для него, для Джима, Вирджиния Новелло – то самое. И вот она стоит тут рядом и разговаривает с ним. Она

говорила с Джимом и прежде, но всегда как-то рассеянно, отстраненно, и всегда об Артуре, а вот сейчас... Джим предлагает Вирджинии только что взятый с подноса стакан с «Маргаритой», она берет стакан и отпивает глоток. Под загорелой кожей рук перекачиваются сплетения мышц, мерцает на солнце шелковистый пушок, прикрывающий запястья. Ее белая блузка – отдохновение для глаза среди яркого многоцветья, заполняющего комнату. Эти ткани окрашиваются в очень узкой полосе спектра, герц примерно в пятнадцать, и синяя кофта становится, скажем, фиалковой или желтая – ярко-зеленой, они очень популярны из-за такой своей особенности, но все-таки тут – отдохновение для глаза. Смелая, в некотором роде, одежда.

– Странная штука пинг-понг, – говорит Джим. – Играешь то так, то так, и никогда не знаешь, насколько можешь рассчитывать на себя. Вот ты это замечала?

– То же самое, пожалуй, и в любом спорте. Настоящий подъем приходит редко. А может, так и во всем, не только в спорте?

Джим молча кивает и смотрит на Вирджинию. У нее хорошая улыбка, легкая и сдержанная. А при всем своем обожании издалека – что он знает про Вирджинию? Работает вроде бы где-то в бизнесе. Странно это сочетается с политической деятельностью Артура. Может, потому они и разошлись. Ну да ладно, не наше это дело.

– Где ты работаешь? – спросил Джим, провожая ее на балкон.

Оказалось, что в Ньюпорт-Бич, в старом молле «Остров Моды». Работает она на управляющую компанию, чьими услугами воспользовалась «Ирвин корпорейшн», которой принадлежит земельный участок. Старое ранчо, с каждым поколением оно дробилось среди все возрастающего числа владельцев, и так продолжалось лет двести... Да и вообще «Ирвин» – только традиционное название, теперь там никого уже и нет из этой семьи. Джим пустился в рассуждения о землевладении в ОкО, Вирджиния слушает его с интересом, иногда перебивает вопросами.

– Интересно, – говорит она, – ведь никто и никогда не задумывался, как это случилось, что все пошло по такому пути.

Ну, Джим-то задумывался, но сейчас об этом не хочется. Вместо этого он рассказывает о недавних археологических раскопках в окрестностях «Пышных пышек», выставляет себя в самом смешном и дурацком свете, и Вирджиния смеется. Шут гороховый – очень, если разобратся, полезная роль, и Джим это прекрасно знает. Тем более что после такой вот демонстрации высшего класса в пинг-понге шутовство воспринимается скорее всего как проявление скромности. Джим и Вирджиния смотрят на бегущие по магистралям машины. Когда они перегибаются через красные герани, окаймляющие балкон, их руки чуть соприкасаются. Прикосновение совершенно случайное и, конечно же, совершенно ничего не обозначающее.

– А ты серфингом занимаешься? – спрашивает Вирджиния.

– Нет. Таш пробовал меня научить, но, как только я встаю на доску, она куда-то улетает, а я плюхаюсь в воду.

Вирджиния смеется:

– Нужно просто решиться и прыгнуть на нее, не думая ни о каком равновесии. Ну точно, я могла бы тебя научить.

– Правда? Вот бы здорово. – Джим не кривит душой, это только представить себе такую картину – Вирджиния на пляже. – А то Таш только и знает, что говорит: «Не нужно падать, Джим». Словно я нарочно.

Вирджиния снова смеется. Вообще-то у Джима союз с Шейлой Мейер. О чем не преминула бы напомнить мамочка. Их союзу уже почти четыре месяца, и это были хорошие четыре месяца. Но последнее время Джим стал воспринимать свой союз спокойно, как нечто само собой разумеющееся, новизна и возбуждение прошли, а кроме того, Шейла – лагунатик и добирается до центрального ОкО не чаще двух раз в неделю, так что Джим довольно часто развлекается с другими женщинами, такая вот тусовка – идеальное место для знакомств. Это,

естественно, известно всем его друзьям, и Джим фактически начал считать себя свободным человеком, чему Шейла скорее всего очень бы удивилась. Но поговорить с ней как-то все не удается, все нет подходящего случая. Ничего, скоро и этим займемся. А тем временем Джиму кажется, что измены делают его в глазах друзей хоть чуть-чуть не таким уж шутком гороховым, хоть немного светским человеком.

Да и вообще ни о чем таком он сейчас не думает. Он вчистую забыл и о Шейле, и даже о друзьях, только где-то в глубине мозга осталась смутная, неоформленная мысль, что, сойдись они с Вирджинией Новелло – тут бы все так и сели.

Довольно длительное время они обсуждают относительные достоинства серфинга и боди-серфинга, а также прочие философские проблемы аналогичного плана. Затем они заходят в комнату, садятся на один из длинных бежевых диванов и берут еще по «Маргарите». Они говорят о работе Джима, об общих знакомых и музыкальных группах, которые нравятся ему и ей. В квартире становится свободнее, остались только самые завсегдатаи тусовки, настоящие друзья Анджелы и Сэнди. В комнату заходит Сэнди, он садится на корточки и вмешивается в разговор:

– А рассказал тебе Джим, как мы вчера громили автостоянку?

– Да, и мне очень захотелось посмотреть на этот кусок дерева.

– Где он у тебя, Джим?

– Отдал в мастерскую, там из него сделают мне ручку для пинг-понговой ракетки.

Вирджиния и Сэнди хохочут – ясное дело, Джим шутит. Сегодня – его вечер.

Эрика, она союзница Таши, подходит к сидящему Сэнди сзади, хватает его за длинные, увязанные хвостом рыжие волосы и тянет вверх.

– Ты намерен сегодня открывать бассейн или нет?

– Ага, а что, разве я еще не открыл? Да сколько же это времени? Час? – Губы Сэнди растягивает широкая психованная ухмылочка, похотливо выпученные на Эрику глаза опять готовы вывалиться на пол. – Пошли вместе, я включу тепло, а ты это самое попробуешь.

– Попробую что? – Обняв друг друга, Эрика и Сэнди направляются в дальний конец квартиры, где бассейн и сауна. – Таш! – кричат они хором. – Анджела!

– Пойдем в бассейн? – предлагает Вирджиния Джиму.

– Пойдем, – говорит он спокойно.

Они следуют за Сэнди и Эрикой, и Анджелой, и Розой, и Габриэлой, и Хэмфри, и еще за кем-то по коридору, а оттуда – к бассейну. Сэнди включает свет, водогрей, обогреватель сауны и распылители воды. Тут жарко и влажно, в сетках из макраме висят наиболее тропические из растений Анджелы, прямо джунгли Амазонки. Пол, обшивка стен – все деревянное, да не какое-нибудь, а из секвойи, прозрачный куполообразный потолок, большой, выложенный голубым кафелем бассейн; да, роскошно они живут, Сэнди и Анджела. Все идут в раздевалки и начинают раздеваться.

У Сэнди это делается просто и непринужденно, раздеться на людях – было бы о чем говорить. Потому-то, наверное, и заклинило левый глаз Джима, когда он пытался наблюдать одновременно за раздеванием Вирджинии и Эрики, заклинило самым натуральным образом и в самом ненатуральном положении – глаз этот оказался вывернутым куда-то к носу. Пришлось высвободить несчастный орган подсматривания, потихоньку надавив на него пальцем, – для дальнейшего, естественно, использования: видеонасыщение дало Джиму, как и всем остальным, хорошую подготовку для созерцания женского тела. Когда перекрещенные руки одним текучим движением скидывают через голову блузку, когда слегка свисают освободившиеся груди, а волосы рассыпаются по плечам, каждый мужчина испускает счастливый, восхищенный вздох знатока. Нет сомнения, что женщины тоже испытывают при этом некоторое возбуждение, здесь ведь присутствует момент псевдотабуированного эксгибиционизма, а говоря попросту – это же так здорово, сбросить с себя все это прямо у всех на глазах, не говоря уж

об окружающей тебя борцовско-серфинговой мускулатуре... Но все равно в этом нет ничего особенного, само собой, ясное дело, да кто бы сомневался.

Покончив с раздеванием, все переходят в соседнюю комнату и погружаются в бассейн. Роза и Габриэла – они давным-давно в союзе – окунают друг друга в горячую воду с головой. Комната полна смеха и пара. В дверях появляется Дебби Риггс, сестра Хэмфри, желающая узнать, что тут за шум, а драки нет. Для Вирджинии в бассейне слишком горячо, мокрая, она садится на деревянный пол рядом с Джимом. Они опять разговаривают.

Тела. Мускулатура под влажной кожей. Всем нам знакомы ее формы.
Красноватый свет дробится на мокрых завитках волос.
Высокие полные груди, начинающиеся от самых ключиц.
Мужские члены, плавающие среди пузырьков, изгибающиеся то туда, то
сюда – привет? привет?
Привет?
Курчавые лобковые волосы, равнобедренные магниты зрения.
И мигание стоп-сигналов: клик-клик, клик-клик – в голове.

Вирджиния наклоняется над своими крепкими, сильными бедрами, критически осматривает ухоженный, лаком покрытый ноготь на пальце левой ноги. Красивой лепки мышцы рук и ног, боковые мышцы ясно говорят о занятиях греблей, а брюшной пресс – об уйме упражнений. Хорошо уравновешенная фигура, приятная для глаза после радикализма других женщин. Взять, например, Розу. Верхней частью тела она – незрелый подросток, а нижней – цирковой атлет. Или Габриэлу, у которой мощные грудные мышцы, по-старомодному большие груди, мальчишеские бедра и длинные стройные ноги. Общим им вполне подходят эти оригинальные формы, обе они жутко привлекательны – каждая по-своему, но все-таки умеренность, стандартные пропорции, доведенные до совершенства, – это кое-что.

Вирджиния возвращается в бассейн, их с Джимом притискивают друг к другу. Нижнюю часть тел застилают поднимающиеся из воды пузырьки. Джим передает Вирджинии глазную пипетку, их пальцы соприкасаются – и словно замыкается какая-то электрическая цепь. Скользящие вокруг тела напоминают дельфинов. У противоположного края бассейна Анджела, гормональная подпитка придала ее ангелическому телу пышность, далеко превосходящую стандарт, но кому же от этого плохо. Она стоит, широко расставив ноги, запрокинув вверх лицо, высоко поднятые руки держат пипетку. Образ...

В руку Джима тычется грудь.

– Я живу на северной стороне СКП, – неожиданно говорит Вирджиния, за общим гвалтом ее голос еле слышен. – Не хочешь зайти?

– Ты буквально выкручиваешь мне руки, – говорит, как всегда, остроумный Джим.

6

Легкий бриз носит вокруг гаража бумажные лохмотья, холодит мокрые волосы. Двухминутная поездка на северную сторону Саут-Кост Пласа, где располагаются дома примерно того же класса, что жилище Сэнди с Анджелой. Лифт вверх, входная дверь, и сразу – бегом, с хохотом, в спальню.

Вирджиния зажигает все лампы, включает видеосистему. Установленные под потолком камеры – восемь штук – отслеживают их инфракрасными датчиками, два набора больших экранов, на боковых стенах комнаты, показывают раздевающуюся Вирджинию, спереди и сзади. Джима эти изображения возбуждают, и очень; брюки летят в сторону, и теперь на половине экранов он сам, со стоящим, как кол, членом. Вирджиния хохочет, хватая Джима за при-

родную рукоятку и затаскивает в постель. Они принимают только те позы, при которых могут вместе смотреть на экраны. Изображения Вирджинии...

Плавная кривая бедра, оно провело уйму времени на велосипедных тренажерах.

Светло-желтый поток волос сверху.

Черные лобковые волосы внизу, подбритые в форме стрелки, указующей вниз – и внутрь.

Мигание! Мигание!

Раскачивающиеся груди (изображение).

Боковые мышцы, рельефно выделяющиеся на грудной клетке.

...пронзают Джима. Вирджиния оседлала его. Вот оно – живительное соединение. Она сверху, она шутиливо удерживает его за запястья, бицепсы ее напряженно вздуваются, а лицо, глядящее влево, на экраны, рисуется тонким, прекрасным профилем. Ее груди... они почти отвлекают Джима от экранов. Но на стене, куда он смотрит, имеется и вид, снимаемый из-за его головы, так что он видит там эти груди, свисающие с крепких, напряженных грудных мышц, в то время как соседний экран показывает сцену в обратном ракурсе, демонстрирует непристойное, порнографическое, почти невозможное анатомически изображение – его собственный член, внедряющийся в нее и выходящий наружу, то скрытый ее ягодичными мышцами, то освобожденный, розовый и влажный, то скрытый...

Экраны мигнули и поблели. Остекленевшее, серо-зеленое ничто.

Вирджиния соскочила с Джима.

– Какого хрена! – Она яростно тычет в кнопки управляющего пульта. – Ведь все включено! – Но экраны не горят, а камеры не следуют за ее метаниями по спальне. – Вот черт! – Побагровевшая от усилий и разочарования, она начинает остервенело молотить по кнопкам. – Эта хреновина снова сломалась! – Что-то в ее голосе заставляет принадлежность Джима обмякнуть и уныло обвиснуть, несмотря (смотря?) на всю соблазнительность стоящей посреди комнаты девушки. – Ты можешь это починить? – спрашивает она.

– Ну-у... – Джим неохотно скатывается с кровати и подходит к пульту. Там вроде все в порядке... Он смотрит на камеры. Провода, ведущие к ним, на месте. – Не думаю, чтобы...

– Вот черт! – Вирджиния садится.

– Но... – Джим указывает на кровать. – Главная часть оборудования в порядке.

На лице Вирджинии появляется раздраженная гримаска. Она поднимает голову, протягивает руку и шлепает обвислым членом Джима по его ноге.

– Да неужели?

И резко смеется. Нужно заметить, что приличная видеосистема для спальни Джиму не по карману, а маленький дешевый комплект поминутно ломается, так что выходить из таких вот пикантных ситуаций ему не в новинку. Всегда можно сообразить что-нибудь экспромтом. Джим заглядывает в ванную.

– А-га!

В огромной, с верхним светом ванной стоит высокое, в полный рост, зеркало; со вновь вспыхнувшей надеждой Джим волочет его в спальню. Раскинувшаяся на кровати Вирджиния напоминает сейчас вкладку из какого-нибудь мужского журнала – «Мисс Июнь» или там «Мисс Декабрь»; она шарит в ящике прикроватного столика, пытаясь найти пипетку.

– Вот оно! – гордо заявляет Джим. – Ранний вариант видеосистемы.

Вирджиния смеется и начинает руководить установкой зеркала.

– Чуть-чуть пониже. Вот так, в самый раз.

Они возвращаются к прерванному занятию, на этот раз – поперек кровати, чтобы иметь возможность глядеть в сторону, на зеркало, где напропалую трахаются их близнецы. Несколько

неловко, что эти близнецы, в свою очередь, глядят на них, но тут тоже есть свой интерес; не в силах удержаться, Джим ухмыляется и похабно подмигивает своему двойнику. Изображения тоже не такие, как всегда, – мягкость и глубина видеосистемы сменилась жесткой, поблескивающей материальностью, словно это не зеркало, а окно, сквозь которое они подглядывают за парочкой, занимающейся своими делами в ином, более глянцевом, чем наш, мире.

– Ве-есьма при-коль-но, – провозглашает Джим по завершении работы. И хохочет.

Но Вирджинии совсем не смешно.

– Теперь придется звать ремонтников, а как я это дело ненавижу. Всегда одна и та же песня: «Простите, мэ, только нужно бы провести что-нибудь вроде испытания, проверить, работает ли система».

– А ты скажи им, – смеется Джим, – да долбитесь вы конем. И пусть это будет такое испытание.

– А они возьмут да так и сделают, – продолжает хмуриться Вирджиния. – Извращенцы.

Ну ладно, все вышло путем. Теперь, по окончании, Вирджиния начинает проявлять беспокойство. Ей, оказывается, хочется вернуться на тусовку. Ладно, соглашается Джим, сейчас он готов на все, чего бы ни пожелала эта его новая и очаровательная подружка. Да ему и самому там нравится. Через несколько минут Вирджиния и Джим уже встали, оделись и готовы вернуться к Сэнди.

7

У лифта они сталкиваются с Артуром Бастанчери, который тоже возвращается к Сэнди, почему-то с большой сумкой через плечо. Джим чувствует себя неловко – как-никак, он только что побывал в постели с экс-союзнницей Артура, а кто там знает, какие у них отношения. Но ни Вирджиния, ни Артур и глазом не моргнули, а затем все они вместе прошли в видеокомнату и начали обсуждать происходящее на экранах, и тогда Джим тоже немного расслабился. В конце концов, напомнил он себе, мы же в постмодерновом мире, и каждый человек – суверенная сущность и свободен делать все, что ни пожелает, и никакие союзы не должны этому препятствовать. Так что нечего тут особо смущаться.

Появились Сэнди и Анджела, Таши и Эрика, только что, по-видимому, вылезшие из воды, – от тел, обернутых большими толстыми белыми полотенцами, еще шел пар. Они сразу прошли на кухню сообразить какую-нибудь еду. Артур поставил сумку на пол и начал что-то в ней перебирать.

– Вы идете со мной? – крикнул он в направлении кухни.

– Не сегодня, – откликнулся Сэнди. – Я совсем как тряпка.

Остальное население кухни безмолвствовало. Артур поморщился.

– Джинни?

– Вряд ли, Арт, – покачала головой Вирджиния. – Я же говорила тебе, это зряшная трата времени.

Лицо Артура делается совсем уж недовольным, Вирджиния резко встает и выходит на кухню, где компания весело хохочет над чем-то, что Сэнди не то сделал, не то сказал. Артур печально качает головой, ну вот, говорит его лицо, снова мне придется делать все самому, в одиночку.

– А что именно – зряшная трата времени? – интересуется Джим.

– Пытаться изменить этот мир, – с вызовом смотрит на него Артур. – По мнению Вирджинии, пытаться изменить мир – просто зря тратить время. Вот и ты, наверное, так считаешь. Все вы так считаете. Уйма болтовни про то, как все плохо, как мы должны все изменить, но, когда встает вопрос о конкретных действиях, оказывается, все это – одна болтовня.

– Уж так и болтовня!

– Нет? – Голос Артура звучит пренебрежительно, на губах играет саркастическая улыбка, он снова наклоняется к своей сумке. Оскорбленный Джим бросается в бой.

– Конечно, нет! И почему ты не говоришь мне, о чем, собственно, речь?

– У меня тут плакаты. Хочу устроить в этом молле информационный блицкриг. Вот... – Не глядя на Джима, Артур сует ему в руки вытащенный из сумки лист бумаги.

Под одним углом это голограмма ошалевшего от восторга серфера, который катится на идеальной «трубе»⁹, но, если чуть повернуть, появляется убитый американский солдат. Сфотографирован труп скорее всего в Индонезии, ноги у него оторваны. Под этой жуткой, не на ночь смотреть, картиной крупными буквами идет надпись:

ТЫ ХОЧЕШЬ УМЕРЕТЬ?

К твоим услугам:

Явные войны в Индонезии, Египте, Таиланде и на Бахрейне.

Тайные войны в Пакистане, Турции, Южной Корее и Бельгии.

В каждой участвуют американские солдаты.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПОГИБАЮТ 350 АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ.

СНОВА ВВЕДЕН ПРИЗЫВ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

СЛЕДУЮЩИМ МОЖЕШЬ ОКАЗАТЬСЯ ТЫ.

Джим нерешительно трет подбородок.

– Ну так что? – смеется Артур. – Пойдешь со мной расклеивать эти штуки?

– Ясное дело, – говорит Джим. Говорит с единственной целью: потушить этот пренебрежительный взгляд. – Почему бы и нет?

– За это можно угодить в камеру, вот почему.

– У нас же вроде есть свобода слова, или как?

– Они умеют извернуться, пришить совсем другое обвинение. Загрязнение. Осквернение. Эти бумажки только лазером и сдерешь, у них на обороте молекулярно-керамические связи.

– Хм-м. Ну и что? Ты же не планируешь попадаться?

– Нет, – хохочет Артур.

Он разглядывает Джима с откровенным любопытством. Несмотря на все сегодняшние события – пинг-понговую победу Джима и последующие его постельные кувыркания с Вирджинией... а может, каким-то странным образом, как раз из-за этих событий... Артур вроде как находится на недостижимой высоте, беседует с Джимом сверху вниз. Джим не понимает этого – но чувствует.

– Тогда идем. – Артур встает, берет сумку и направляется к двери. Джим плетется следом; проходя через кухню, он ловит на себе хмурый взгляд Вирджинии.

– Давай начнем с севера и будем двигаться сюда, – говорит Артур в лифте. Они опускаются на первый этаж, берут пустую мототележку и катят через пустынный комплекс к Саут-Кост Виллиджу, погребенному под северной оконечностью молла.

– Пожалуй, хватит. Нужно сделать все в темпе, минут так за двадцать. Но поосторожнее, поглядывай насчет полиции молла.

Артур и Джим идут назад, по широкой центральной галерее молла. Слева и справа эскалаторы. Отражаясь в зеркалах, они ведут на десятки других этажей – настоящих и зеркальных.

– Плакаты наклеивай, а потом притирай этим стержнем. Он активизирует связи.

Джим приклеивает на витрину пиццерии небольшой плакат. Пенный вал тропического прибоя разбивается о ноги обнаженной девушки. Чуть сдвинуть голову – и девушка сменяется еще одним окровавленным солдатским трупом. Надпись:

⁹ «Труба» – волна правильной, закругленной формы, удобная для серфинга.

НАШЕЙ СТРАНОЙ ЗАПРАВЛЯЕТ МИН. ОБОРОНЫ – ПРОТЕСТУЙ.

– Ух ты. Некоторым еда не полезет в горло.

Уже почти четыре часа ночи, хотя внутри молла, безвременного, как казино, этого не заметно. В больших универмагах темно, но все остальное – витрины, зеркала, кафельные стены – сверкает прыгающей, подмигивающей настырностью неона.

Свет! Камера! Начало эпизода!

Длинная центральная галерея, уходящая на пять этажей вверх.

Пластиковые деревья, подсвеченные фонтаны. Отраженные подобию.

Игровые залы, закулочные, видеобары – все открыто, все упруго пульсирует.

Эй, знаешь что? Я есть хочу.

Вращается карусель Саут-Коста. На каждом животном – седок.

Остекленевшее око. Соударение музыкальных сфер. Мигание.

Парни толкуются в уборных, у входов в закрытые магазины.

Теперь в экспресс-бар. Отираться без дела.

Делать покупки.

На Главной улице.

Ты здесь живешь.

Джим и Артур наклеивают плакаты на стены, витрины, двери.

– В этом морге сегодня не протолкнуться, – говорит Артур.

Джим смеется. Он тоже ненавидит моллы, хотя проводит в них не меньше времени, чем любой другой человек.

– А чего вообще обвешивать такое место плакатами? Только молекулярную керамику переводить.

– В основном – да. Но с того времени, как опять ввели в действие закон Гинтрича, у призыва прорезались зубки, так что многие ошивающиеся здесь люди сильно рискуют. И ничего об этом не знают, ведь они газету в руки не берут. А если уж быть до конца честным – они вообще ни хрена не знают.

– Как лунатики.

– Вот-вот. – Артур презрительно указал на группку парней, подкуренных до полной неспособности передвигаться. – Именно лунатики. Ну как достучаться до их тупых мозгов? Одно время я издавал газету.

– Знаю. Мне она нравилась.

– Да, но ты ведь читаешь. Ты принадлежишь к крохотному меньшинству. Особенно – в нашем ОкО. Потому-то я и решил перейти на средства информации, доступные большому количеству людей. Мы делаем видеопрограммы, которые очень прилично расходятся. По большей части это секс-комедии. А печатное оборудование перевели на изготовление плакатов.

– Я видел ваши индонезийские плакаты – те, которые у Сэнди. Очень красиво.

– Да при чем тут это? – раздраженно машет Артур. – Все вы, культурстервятники, такие. У вас везде одна сплошная эстетика. Вы же ни во что не верите. Вам нравится то, что услаждает ваш утонченный взор.

Джим не отвечает, он молча идет в «Макдоналдс» и наклеивает плакат прямо на меню. С одной стороны, он немного обижен – ведь как-то нечестно так вот набрасываться на него – как раз тогда, когда он рискует своей шеей, расклеивая эти дурацкие плакатики. Но в то же самое время какой-то внутренний голос говорит ему, что Артур, пожалуй, прав. Чего там крутить, это действительно так. Сколько Джим себя помнит, он всегда ненавидел и презирал правящие силы Америки, но при этом ровно ничего не делал, только скулил. Все его усилия уходили на создание эстетически совершенной жизни, жизни, обращенной лицом к прошлому. Король культурстервятников. Да, Артур прав, хотя бы отчасти.

– А зачем, собственно, ты всем этим занимаешься? – спросил Джим.

– Да ты только посмотри на все это! – взрывается Артур. – Посмотри на всех этих лунатиков, это же прямо зомби какие-то... И не только здесь, вся страна такая! Такая она и есть, от океана до океана, кладбище мозгов. А остальной мир – самое настоящее кладбище. Мир разваливается на куски, а мы заняты тем, чтобы наделать побольше оружия, чтобы захватить побольше этих кусков!

– Я знаю.

– Ну да, конечно, ты знаешь. А что же тогда спрашиваешь?

– Вернее, пожалуй, было бы спросить: неужели ты и вправду думаешь, что такие вот штуки, – Джим качнул висевшую на плече Артура сумку, – могут что-нибудь изменить?

– А откуда мне знать? – пожимает плечами Артур. – Мне хочется хоть что-нибудь сделать. Хотя бы, чтобы лучше себя чувствовать. Но ведь нужно что-то делать. Вот ты, что делаешь ты? Стучишь по клавиатуре для торговцев недвижимостью, обучаешь технократов технопрозе, так ведь?

Джим неохотно кивает. Тут уж спорить трудно.

– И обе эти работы тебе до синей лампочки. Так вот ты и плывешь по течению, заделался королем культурстервятников и предаешься размышлениям о смысле жизни. Да ты хоть во что-нибудь веришь?

– Да! – Жалкое, неубедительное выражение несогласия. Ведь Джим и сам много раз думал, что стоило бы жить более... политически, что ли? Это лучше согласовывалось бы с его ненавистью к ведущимся войнам, к накапливаемым горам оружия (вот-вот, этим-то и занимается отец!), вообще – ко всему положению вещей.

– Я слышал твои разговоры насчет того, каким было прежде ОкО. – Артур смолкает, заметив полицейского. Блюстителю порядка наблюдает, как в витрине Лас-Вегаса появляются результаты кено¹⁰ – зеленые цифры, светящиеся из глубины стекла. Полицейский двигается дальше, и Артур заклеивает цифры очередным мертвым солдатом. – Кое-что из твоих разглагольствований имеет смысл. Все эти попытки организовать в наших местах коллективное существование – Анахейм, Фаунтин-Вэлли, Ланкастер, – их обязательно нужно помнить, хотя они и провалились, все до единой. Но большая часть этой цитрусовой утопии – чушь собачья. Ведь здесь всегда процветал аграрный бизнес, испанские земли расхватывались такими здоровенными кусками, что Калифорния оказалась идеально приспособленной для корпоративного сельского хозяйства, здесь оно, собственно, и началось. Кто собирал апельсины в этих так жалостливо тобой оплакиваемых рощах и кущах? Рабочие, которые вкалывали, как собаки, а жили хуже самых замордованных средневековых крестьян.

– Да я никогда этого не отрицал, – обижается Джим. – Я и сам об этом знаю.

– А с чего такая ностальгия? – не отступает Артур. – Может, тебе просто хотелось бы быть одним из этих привилегированных землевладельцев, в те самые добрые старые времена? Ты рассуждал, как русские белогвардейцы в Париже.

– Да нет же, – неуверенно возражает Джим.

Они оклеили плакатами стены зала для отдыха и теперь приближаются к «Мэй Компани», расположенной на самой южной оконечности молла.

– В наших местах предпринимались очень серьезные попытки создания сельскохозяйственных коммун, по большей части – как раз на основе апельсиновых рощ. Если мы не будем помнить об этих попытках, получится, что все усилия многих людей пошли впустую.

– Их усилия и так пошли впустую. – Артур наклеивает очередной плакат. – Надо отсюда сматываться, теперь уже полицейские точно успели ознакомиться с нашей работой. А усилия этих ребят пошли впустую потому, – жесткий палец наставительно ткнул Джима в руку, – что

¹⁰ Кено – игра типа лото.

у них не оказалось последователей. И мы с тобой тоже вертимся тут практически впустую, это ведь все равно что проповедовать перед глухими, корчить рожи слепым. Необходимо нечто более активное, какое-нибудь настоящее сопротивление. Ты это понимаешь?

– Пожалуй, да. Понимаю. – Правду говоря, Джиму не совсем ясно, о чем это Артур. Но он уверен, что Артур прав, что бы тот не имел в виду. Джим вообще очень покладистый парень, друзья всегда могут убедить его в чем угодно. А доводы Артура обладают еще и той дополнительной силой, что выражают в явном виде смутные желания самого Джима. Джим знает лучше любого другого, что в жизни его не хватает чего-то очень важного, какой-то цели. И ему очень хотелось бы схватиться со все и вся обволакивающей масскультурой, ведь он-то знает, что жизнь не всегда была такой.

– Ты хочешь сказать, что действительно делаешь что-то более активное?

– Вот именно. – Артур смотрит на Джима таинственно и многозначительно. – Я и люди, с которыми я работаю.

– Так какого же черта! – восклицает Джим, раздраженный всей этой таинственностью, недоговорками и высокомерием. – Вот я, я хочу сопротивляться, но что я могу сделать? То есть вполне возможно, я захочу тебе помочь, но откуда мне знать это точно, если ты только и делаешь, что чепешь языком? Чем ты занимаешься?

Артур смотрит ему прямо в глаза долгим и жестким взглядом.

– Мы занимаемся саботажем. Боремся с производителями оружия.

8

По холмам разбросаны кости китов. Многие миллионы лет здесь была океаническая отмель. В рощах водорослей жили морские твари, а когда эти водоросли и эти твари умирали, их тела опускались на дно, становились сперва слизью, а затем камнем. Мы по ним ходим.

Вверху солнце вставало из-за горизонта, пробежало свой путь, уходило за горизонт, и так сотни миллионов раз. Внизу тектонические плиты плавали в мантии, перемещались, сталкивались – куски головоломки, вечно ищущие свое настоящее место, никогда его не находящие.

Когда две такие плиты трутся краями друг о друга, земля корежится, складывается, вспучивается. Так случилось и здесь, пять миллионов лет тому назад. К небу возносились горы, извергавшие пепел и лаву. Дождь смывал грязь, засыпал этой грязью морское мелководье. В конце концов получилось то, что видим мы сейчас: гряда песчанистых гор, широкая прибрежная равнина, обширный эстуарий, бескрайний песчаный берег.

Сотню тысяч лет назад, когда на континенте не было еще людей, эта земля стала обиталищем фантастических существ. Царственный мамонт, чьи плечи поднимались над землей на пятнадцать футов, почти такого же роста американский мастодонт, гигантский верблюд и гигантский бизон, далекие предки лошади, восемнадцатифутовой высоты ленивцы, тапиры, медведи, львы, саблезубые тигры, огромные, ужасающие волки, стервятники с размахом крыльев в двенадцать футов. Их кости тоже можно найти в горах и на спускающихся к эстуарию обрывах.

Но время проходило, и эти виды вымирали. Дождь шел все реже и реже. Равнину пересекала река, знакомая нам Санта-Ана; более древняя, чем даже горы, она прорезала эти горы, когда они поднимались, пытались преградить ее течение. Река выходит из гор на эстуарий знакомого нам Ньюпорт-Бич.

В ближайшей окрестности этой соленой топи выживали только устойчивые к соли растения – стрелчатник, морская лаванда, трава-солянка. Выше по течению, куда не доходит прилив, и вода в реке пресная, по берегам росли ватное дерево, ива, платан, бузина, тойон, олений кустарник, а в горах – белая ольха и клен. На равнинах росли самые разные, по боль-

шей части многолетние травы, а также полевые цветы, полынь и горчица, в горах – карликовые вечнозеленые дубы и мансанита. Заболоченные низины давали приют осоке, камышу, тростнику, ряске и болиголову, заливные луга, подсыхая, устилались пестрым ковром цветов. Подножие и нижние склоны гор были покрыты дубовыми лесами; между дубов, под их защитой, густая трава мешалась с кофейными бобами, волчьей ягодой, кустарниковым люпином и грецким орехом. Выше преобладали кипарис и калифорнийская сосна. Все эти деревья и травы росли свободно, ограниченные только погодой, соседями и собственными своими генами. Развиваясь и изменяясь, они заполняли каждую эконическую, они росли, и умирали, и снова росли.

У берега, среди мириад рыб, жили братья наши двоюродные – киты, дельфины, тюлени, котики, морские львы. Вокруг болот, в тростниках жили братья наши и сестры – койоты, ласки, еноты, барсуки, крысы. На равнинах жили другие наши сестры и братья – олени и лани, лисицы и дикие кошки, и кролики, и мыши. На холмах жили отцы наши и матери – медведи гризли и черные медведи, пумы, волки, горные бараны. Здесь обитало когда-то полторы сотни различных видов млекопитающих, а кроме них еще и змеи, и ящерицы, и насекомые, и пауки – места хватало всем.

Вся эта теплая и сухая полоса прибрежной земли была когда-то – и не так ведь давно! – переполнена жизнью. Она буквально кишела этой жизнью, имела полную, насыщенную экологию. Везде животные – и на травянистых низинах, и в прибрежных лиманах, и на поросших полынью возвышенностях – везде животные. Везде животные! Везде животные. Везде...

А еще птицы! Птицы в небе, всевозможные, какие душе угодно. Чайки, пеликаны, журавли, цапли серые и цапли белые, утки, гуси, скворцы, фазаны, куропатки, перепелки, зяблики, тетерева, рябчики, скворцы, травяные кукушки, сойки, ласточки, голуби, жаворонки, соколы, ястребы, коршуны, орлы. И кондоры – самые большие в мире птицы. Несметное, бесчисленное множество птиц, настолько бесчисленное, что даже в двадцатых годах двадцатого века житель округа Ориндж мог еще сказать: «Их тут тысячи, я даже нахожусь в некоторой нерешительности, сколько их тут, могу сказать только, что мы считаем их не поштучно, а акрами. Осенью вся земля белела от диких гусей».

Могу сказать только, что мы считали их не поштучно, а акрами.

Земля белела от диких гусей.

9

Эйб Бернард гонит свой аварийно-спасательный фургон по самому быстрому ряду, разгоняет впереди идущие машины мигалками, сиреной и мощным мегафоном.

– Прочь с дороги! – кричит Эйб, его худое, смуглое лицо искажено яростью.

Они с Ксавьером получили вызов какие-то секунды назад, и Эйб все еще на взводе, все еще чувствует первоначальный бросок адреналина. Водитель обгоняемой машины показывает сжатую в кулак левую руку и бьет правой ладонью по ее сгибу.

– А имел я тебя в глаз и в ухо, – гремит Ксавьер.

Эйб коротко смеется. Придурки чертовы, вот разобьются сами, пусть тогда полежат, стиснутые искореженным металлом, и повспоминают, сколько раз они преграждали путь спасателям, сообразят, что в этот самый момент другие такие же придурки задерживают спешащие им на помощь машины... Вот, пожалуйста, еще один упрямый осел; Эйб врубает сирену на полную катушку: прочь с дороги!

По правую руку тянется приморский парк, очень красивый, которое столетие взлетает, на мгновение повисает и падает волейбольный мяч, солнце дробится в воде миллионами сверкающих дротиков; в этом месте, где магистраль на Лагуну встречается с прибрежной, движение густое и ночью и днем. Они осторожно проталкиваются среди красных задних огней, теперь Эйб не выключает сирены ни на секунду. Сидящий рядом Ксавьер крутит рацию, пытается

узнать о несчастном случае побольше, но за беспрестанным воем сирены и треском помех Эйб почти ничего не слышит.

На встречной, ведущей к океану полосе, машины выстроились почти без просветов, бампер к бамперу, и тащатся, как черепахи; за местом происшествия все скорее всего еще хуже – каждый водитель переходит на ручное, в обход автомозга, замедляет ход и глазеет на встречную полосу. Кровожадное любопытство... Но вверх по каньону ехать еще кое-как можно, пробка, скопившаяся у места аварии, еще впереди.

– Похоже, снова одна из дорожек осталась без присмотра, из-за чего две машины смогли занять одновременно одно и то же место, – с пулеметной скоростью выпаливает Ксавьер, это его обычная манера говорить на работе. – Есть подозрение, виновата система перестройки из ряда в ряд. Господи, а впереди-то что делается!

– Вижу.

Вот и та самая пробка. Впереди – целая симфония мигающих тормозных огней, красный-красный, красныйкрасный, красныйкрасный. Все идут на ручном, ни один автомозг не работает, никуда не протолкнешься. С полосой, забитой таким вот образом, не справится никакой компьютер, самое время сводить старинный «Шевроле» с дорожки, да, не удивляйтесь, под здоровенным капотом этого суперфургона гнездится двигатель внутреннего сгорания.

– Независимый источник энергии, – кричит Ксавьер. Эйб поворачивает ключ зажигания и запускает мотор, запускает одну тысячу пятьдесят шесть лошадиных сил. Атавистичный, древний, как «Формула 1», всплеск адреналина, а фургон съезжает с магнитной дорожки, втискивается в узкий просвет между столпившимися в быстром ряду машинами и разделителем полос, ревет дрожащей бензиновой мощностью, пусть несчастные придурки вдохнут глоток этой угарной амброзии, ностальгический клочок энергетического смога, напоминание о прошлом веке, а тем временем мясовозка свистит мимо, чуть не срывая их дверные ручки и зеркала. А что, почему и не ободрать их малость на память, чтобы было что рассказать об этой дорожной пробке, десятиmillionной за время их жизни в Око? Эйб все еще заметно нервничает, применяя к делу допотопное это искусство, проскакивая мимо почти неподвижных машин, он на работе почти новичок, года еще не исполнилось. Постепенно он успокаивается, ведет фургон ближе к разделителю и все же едва втискивается в узкую щель, оставленную чудовищным «Кадилаком», стекловолоконный корпус которого точно повторяет обводы модели 1992 года. «Вот так, приятель, это я сижу в машине, это у меня здоровенный долбаный фургон, и я снесу тебе весь твой пластиковый бок, если ты не уберешься с пути».

Они несутся вдоль повторяющей изгибы каньона дороги, мимо намертво засевших машин, мелькают и остаются позади дома, которыми густо усеяны все холмы, и по левую, и по правую руку – эрзац-сооружения, долженствующие изображать средиземноморские виллы. Вж-жик, вж-жик, вж-жик, мимо парка, слишком маленького для какого-нибудь разумного использования. Если верить Джиму, однажды в пруду этого самого парка уютно обосновался сбежавший из бродячего цирка бегемот, а потом в него всадили стрелу с транквилизаторами, чтобы подцепить краном и увезти, но только бегемот сдох – эти идиоты перестарались с дозой.

Дальше, за этой исторической достопримечательностью, асфальт изжеван, усеян обломками металла и осколками пластика, еще один поворот, и они въехали на МЕНС, место несчастного случая. Здесь уже стоит один ДП-мобиль – машина дорожного происшествия, в стороне от магнитных дорожек, сцену высвечивают вспышки мигалки.

Эйб оставляет мотор на холостых оборотах, врубает электрогенератор, они выскакивают из грузовика и несутся к месту происшествия. Ребята из службы дорожных происшествий – депы – бегают по полосе, занимаясь обычным своим делом, ставят предупредительные сигналы, да и что они еще умеют? В быстром ряду какой-то кошмар. Эйба охватывают тошнотворный ужас и беспомощность. Боже милостивый, не надо, не надо! То же самое почувствовал бы на его месте и любой другой, но у Эйба это ненадолго, он, как всегда, словно проходит

сквозь какую-то невидимую мембрану и снова становится профессионалом, аналитиком, пытающимся разобраться в данной структуре и спланировать наилучший способ отделить органические ее составляющие от неорганических... А потрясенный, беспомощный свидетель остается где-то сзади, в каком-то уголке его мозга, откуда смотрит и копит картины ужасов, чтобы увидеть их потом во сне.

На этот раз подвела, похоже, одна из дорожек смены ряда. Это случается – очень редко, но все же случается. При правильной работе управляющий магнитными дорожками компьютер принимает запрос машины, слегка замедляет машину в соседнем ряду, чтобы создать просвет, переводит машину на дорожку смены ряда, а затем, по плавной S-образной кривой – в желаемый ряд, причем машина аккуратнейшим образом вписывается в поток. Здесь нет места для человеческой ошибки, это в тысячи раз безопаснее, чем доверять маневр самому водителю. Но вот снова выпал один из десяти миллионов шанс, и ЧТВК, что-то в кремнии, привело к катастрофе. Машина из среднего ряда вышла в бок другой, двигавшейся по быстрому ряду, сшибла ее с дорожки, бросила на разделитель полос, а сама развернулась поперек и была смята следующей машиной быстрого ряда. Шестьдесят пять миль в час... Затем туда же врезалась еще одна машина, но уже не с такой силой. Ее водитель, спасенный мощными электромагнитными тормозами, стоит рядом с депами и что-то без умолку истерически балабонит. Эйб и Ксавьер бегают вокруг трех разбитых машин. В той, которую бросило на разделитель, был только один человек, его смяло приборной доской, дверью и разделителем. Грудная клетка глубоко вдавлена и облита кровью, шея, по всей видимости, сломана. Теперь к машине, менявшей ряд, на переднем сиденье пара, водитель без сознания, голова в крови, женщина зажата между ним и приборной панелью, сильное кровотечение из шеи, однако она, похоже, в сознании, глаза двигаются. У следующей машины разбито лобовое стекло, двоих, ехавших в ней, уже вытащили наружу, они лежат на земле, у обоих окровавленные головы. Будете в следующий раз пристегиваться.

– Эти двое, в средней, – задыхаясь, говорит Ксавьер. Они мчатся к своему грузовику.

– Ага, – кивает Эйб.

Тот, на разделителе, СНАМП, то есть смерть на месте происшествия. Ксавьер хватается медицинскую сумку, бежит с ней к машине, а Эйб тем временем подводит туда же фургон, как можно ближе. Затем он снова выскакивает на полотно дороги, выталкивает из фургона кусачки, тянет за собой силовую кабель. Руки его засунуты в перчатки кусачек, времена уолдиков¹¹ уже наступили, и в распоряжении не слишком опытного резчика Эйба Бернарда находится вся мощь современной роботехники. Тонкая сталь корпуса режется, словно бумага, безо всякого ощутимого сопротивления. На металл, под лезвия кусачек льется вода, она обливает Ксавьера, копошащегося совсем рядом, втискивающегося во все расширяющееся отверстие, чтобы заняться своей медициной. Ксавьер оттрубил на Яве целых два армейских срока, поэтому специалист он – каких поискать. Сейчас им очень пригодился бы еще один человек, а лучше даже двое, но бюджеты везде поджигают, нужно всегда держать наготове уйму спасательных машин, а бюджет поджигает, бюджет поджигает!

Потрясенный свидетель, забившийся в угол Эйбова мозга, наблюдает, как Эйб стрижет сталь, быстро и ловко, словно вырезая оригами, смотрит на Ксавьера и пассажирку автомобиля, находящихся в каких-то сантиметрах от угрожающе шелкающих лезвий, и удивляется – неужели Эйб знает, как тут справиться. Однако эта мысль не проникает в ту часть сознания Эйба, которая занята работой. Подходит деп, начинает помогать – одетыми в толстые перчатки руками оттягивает вбок мокрый лист стали; Эйб продолжает резать, и они проделывают в машине новую дверь – приблизительно на том же месте, где была старая, а Ксавьер уже обклеил женщину пластырями и впрыскивает ей различные противошоковые супернаркотики, вливает

¹¹ Намек на роман Р. Хайнлайна «Уолдо».

кровяную плазму. Теперь очередь надувного саморегулирующегося по форме тела корсета. Шея и позвоночник закреплены, и они дружно берутся за женщину. Здесь нужно поосторожнее, еще осторожнее, буквально не дыша, теплая плоть между пальцев, на тыльную сторону кисти капает кровь, они поднимают женщину и начинают вытаскивать, ч-черт, рука застряла, и Эйб отстригает смявшийся угол приборной панели, теперь все в порядке. На носилки и в фургон, где оборудовано нечто вроде травматологической палаты. Затем снова бегом, теперь они извлекают мужчину, который, может, жив, может, и помер, но его тоже на носилки и в фургон, рядом с женщиной.

– Дьявол, надо же еще засвидетельствовать парня из той машины, – вспоминает Эйб, хватая у Ксавьера стетоскоп и бежит назад. Теперь разбить окно, просунуться внутрь и приложить стетоскоп к шее водителя. Прибор ничего не регистрирует, и Эйб снова бежит к фургону. Появляется частная мясовозка, чтобы подобрать тех двоих, из задней машины. Давайте, ребята, быстро машет санитарам Эйб, а затем возвращает на место кусачки, прыгает на водительское сиденье и, конечно же, застегивает ремень безопасности – двинули. Да, приемистость у этих древних бензиновых колымаг – что надо.

– В Лагуну? – В окне, соединяющем кабину с медицинским отсеком, появляется голова Ксавьера.

– Нет, по каньону не продерешься, поедem в университетскую больницу, так будет быстрее.

Ксавьер кивает.

– Как они там?

– Мужчина умер, скорее всего он так и был СНАМП. Женщина жива, но потеряла уйму крови, и еще плохо с сердцем. Я ее подлатал, переливаю плазму, но пульс все равно слабый. Если бы настоящее искусственное сердце.

Черное лицо Ксавьера блестит от пота, он озабоченно смотрит вперед и просит ехать побыстрее. Эйб жмет сильнее, последний поворот, и они вылетают на трассу к Лагуне, теперь налево, на четыреста пятую выездную эстакаду и по сан-диегской магистрали. Эйб гонит не по полосе, а по обочине, пулей обходит бегущие по своим дорожкам машины, спидометр показывает сто, сто пять, теперь выехать на съезд к университету, дальше по петляющему бульвару, вот где вести машину сложно, не сыграть бы во Фреда Сполдинга – Фред впилил свой спасательный фургон прямо в опору надземного перехода, и всех уложило на месте, кроме пострадавшего, которого везли в больницу. Тот, правда, тоже умер, но только через два дня.

Фары, задние огни, чтобы всем видно, и не думай даже делать передо мной этот левый поворот, времени нет, и визжат покрышки, и он врубает сирену на полную, и весь мир заполняется воем, и от воя этого раскалывается череп, саднит в горле, и вот уже кампус, теперь по Калифорния-авеню, тут плохой поворот налево, а дальше – вверх, вот и проезд, ведущий к отделению «скорой помощи» – все. К тому времени как Эйб выскочил из фургона и обежал вокруг, Ксавьер и санитар «скорой» уже закатывали носилки в приемный покой. Эйб сидит на погрузочной площадке, его слегка колотит. Выходят еще двое санитаров, он встает, помогает им отнести мертвого водителя в морг. И снова на обтянутый толстой резиной край погрузочной площадки.

Выходит Ксавьер, тяжело опускается рядом.

– Работают.

Столько лет при медицине, два срока в Индонезии и прочее, и все равно на Ксавьера это накатывает, накатывает каждый раз. Черные пальцы дрожат, он раскуривает сигарету, глубоко затягивается. Эйб смотрит на него, понимая, что и сам сейчас выглядит ничем не лучше, хотя и старается внушить себе полное безразличие. «Только не начинай воображать себя Спасителем, ты просто спасатель!» – сказал бы психологический консультант отряда. Эйб смотрит на часы: семь тридцать. Они получили вызов ровно два часа назад. Верится с трудом, кажется, что

прошло гораздо больше времени – и гораздо меньше. Словно шесть часов сжались в пятнадцать минут. Такая уж у спасателей работа.

– Слушай, – вспоминает он, – мы же час уже как отдыхаем. Смена давно кончилась.

– Хорошо.

И опять тянется время. Из дверей вываливается врач.

– Сегодня, ребята, не везет, – весело объявляет он. – Очень печально, но оба доставлены мертвыми.

Некоторое время они молчат – неподвижно сидят и молчат.

– Какого хрена. – Ксавьер щелчком отправляет свою сигарету куда-то в темноту. Эйб почти не различает его лица.

– Пойми, Ксав, мы сделали все, что могли.

– Женщина не была ДМ. Ее же взяли в палату!

– В следующий раз, Ксав, повезет больше. В следующий раз.

Ксавьер трясет головой, встает:

– Так что, мы свободны?

– Да.

– Тогда, Эйб, поехали.

Едут они молча. Эйб выруливает на магнитную дорожку, набирает программу, которая выведет фургон на дель-марскую трассу, а затем по ньюпортской до Дайера. Везде пусто и тихо. Они подъезжают к пожарно-спасательной станции, ставят фургон среди нескольких десятков таких же, заходят в дежурку, заполняют отчеты, отбивают время окончания работы, а потом идут на служебную стоянку. Подходя к машине, Эйб чувствует себя выжатым как лимон, опустошенным. Ощущение привычное, оно повторяется каждый раз, когда он после смены лезет в карман за ключами.

– Увидимся, Ксав, – кричит он темному силуэту напарника.

– Уж конечно. Когда наше дежурство?

– В субботу.

– Вот тогда и увидимся.

Ксавьер подает машину назад, разворачивается и уезжает в неведомые глубины нижней Санта-Аны, в свою жизнь, почти недоступную пониманию Эйба: у Ксава там жена, четверо детей, десять тысяч близких и дальних родственников... Жизнь, которой жило дедовское поколение, мелодраматичная, что твой телевизионный сериал. И Ксав, которому приходится содержать всю эту команду, дошел, похоже, до предела. Ведь точно сломается, думает Эйб. А ведь сколько держался.

И снова ньюпортская магистраль, главный кровеносный сосуд ОкО. Машину подхватывает река красных хвостовых огней, красных кровавых шариков. Эйб набирает южную оконечность Саут-Кост Пласа, откидывается на спинку. Ставит на проигрыватель диск, что-нибудь сейчас такое – погромче, побыстрее и поагрессивнее. «Три Чайника и Глупый Гусь» запиливают классический свой альбом «Съябывай с этого пляжа».

Что сказал бы автомозг, владей он языком?

Залезай в машину? Мотай пешкой?

(Ты автомозг,

Ты твердо держишь ряд,

Ты согласен со всем,

Что тебе говорят.)

Сейчас твоя машина

Расшибется в хлам!

Смешается органика

*С металлом пополам!
(Жаль, что автомозг не владеет языком.
Жаль, что ты не пошел пешком.)*

Подпевая во всю глотку, Эйб влетает в СКП, находит место для стоянки, считай, у самого дома Сэнди, поднимается на лифте, вваливается в квартиру. Яркий свет, оглушительная музыка – «Тастинская трагедия» выдает «Счастливые денечки». Индонезийского стиля аккомпанемент прошит строчками пулеметных очередей. Самое оно, думает Эйб, то, что доктор прописал.

– Тебя искал Таши, – клюет его в щеку Эрика.

Вот и прекрасно. Откуда-то вылезает Сэнди.

– Авраам, ну ты совсем как увядшая фиалка, только что с работы, да? – Широкая ухмылка Сэнди, в руке Эйба появляется пипетка, теперь закинуть голову, раскрыть глаза пошире, кап-кап-кап. Эйб хочет вернуть пипетку. – Приканчивай, есть еще.

Кап-кап-кап. Неожиданно по спинному мозгу бежит электричество, его много, оно рвется наружу. Эйб переходит в соседнюю комнату, там танцуют, а он чувствует, как сгустки энергии поднимаются по позвоночнику, стекают с кончиков пальцев, и тоже начинает танцевать – резко подпрыгивая чуть не к самому потолку, стряхивая эту энергию. Теперь все в порядке, теперь все хорошо. Эйб закидывает голову и громко воет:

– У-у-у! У-у-у! У-у-у-у!

Время койота, традиционный апогей собирающихся у Сэнди тусовок, остальная компаха подхватывает этот вой, ребятки воют изо всех сил, их слышно, наверное, до самого Хантингтон-Бич. Все отлично.

Эйб выходит на балкон, теперь он чувствует себя прекрасно. Таша нет как нет, хотя балкон – то самое место, где его и искать: Таш не любит находиться в помещении без крайней к тому необходимости. Он даже живет на крыше, поставил там палатку – и живет. Эйбу это нравится. Таш, ближайший его друг, чем-то похож на холодную, соленую волну Тихого океана.

Таша нет, зато есть Джим. Джим – тоже друг и хороший парень, и это точно, только вот иногда... Уж больно он серьезный, какой-то не от мира сего. Эйбу нужно иметь вполне определенный настрой, чтобы врубаться в Джимово глубокомыслие. А может, и не глубокомыслие это, а что другое, только какая разница – сейчас такого настроения нет.

– Эй, слышь, привет, – говорит Эйб. – Как оно? – Не многовато ли было в той пипетке?

– Прекрасно. А ты ведь сейчас со смены, да? У вас-то там как?

Вот об этом-то сейчас и не хочется.

– Лучше некуда. – Джим спрашивает, значит, ему не по фигу, и это великолепно, только Эйбу хотелось бы немного отвлечься, желательно с Ташем или кем-нибудь из девиц. Потрепаться малость – и домой.

Таша все нет и нет, зато, к полному изумлению Эйба, на балкон выходит Лилиан Кейлбахер.

– Привет, Лилиан! Даже и не думал, что ты знаешь Сэнди.

– А я до сегодня и не знала. – Она, похоже, в полном отпаде, что была представлена такой знаменитости, и это забавно, ведь Сэнди знаком буквально со всеми.

Лилиан лет восемнадцать, а может, и того нет, белокурый, загорелый ребенок со свежим, хорошеньким личиком и живым, невинным интересом ко всему окружающему. Ее мать, как и матери Джима и Эйба, твердая, непреклонная прихожанка крохотной церквушки, в которую они ходили еще детьми. Матери так и сохранили свое богомольство, Эйб и Джим, подобно всей остальной цивилизации, отпали от Бога, а Лилиан... она, возможно, в каком-то промежуточном состоянии, правда, кто там про нее знает. Вот же черт, виновато думает Эйб, и что она забыла на такой тусовке, нечего ей здесь делать. И сразу – почти смеется. А сам-то он кто

такой, что так рассуждает? Он замечает, что непроизвольно спрятал пипетку, и думает, что даже оскорбляет Лилиан, глядя на ее молодость и неопытность сверху вниз. Да и вообще, сейчас уже второклашки закапывают в глаз. Он предлагает ей пипетку.

– Нет, спасибо, – качает головой Лилиан. – У меня от этого голова кружится, а больше ничего.

– Рад за тебя, – смеется Эйб. Он капает по разу в каждый глаз и снова смеется. – А чего ты тут делаешь? Последний раз, как я тебя видел, тебе было лет тринадцать, кажется.

– Возможно. Но ведь это проходит.

– Да, – хохочет Эйб. – Проходит, это уж точно.

– И я, возможно, понимаю значительно больше, чем ты думаешь.

Лилиан подвигается к Эйбу, в широко раскрытых глазах прямо светится призыв к непосредственным действиям – такой детский и откровенный, что у Эйба даже мелькает мысль, а не опытная ли это соблазнительница, умело притворяющаяся ребенком. Эйб хохочет и видит, насколько Лилиан обижена, она мгновенно съеживается, уходит в себя, словно морской анемон, когда его тронешь пальцем. Ну, с этой все ясно, она понимает не больше, чем он думал, а пожалуй, еще и меньше. Малявка, одним словом.

– Тебе не нужно сюда ходить.

– Обо мне можешь не беспокоиться, – презрительно фыркает Лилиан. – И мы с моей подружкой Маршей все равно скоро уходим, сегодня я ночую у нее.

Господи ты боже.

– Ну, вот и хорошо. А как твои родители?

– У них все в порядке.

– Передавай привет.

Сказав, что передаст, Лилиан удаляется к своим подружкам, одарив Эйба напоследок очаровательнейшей из улыбок. Эйб вспоминает, какой заход делало на него это дите, и разражается хохотом. Возможно, она вознамерилась получить от своего симпатичного, потрясного старого знакомого первый в жизни поцелуй. А ведь и правда хорошая девочка, у Сэнди ей совсем не место; Эйб чувствует большое облегчение, когда Лилиан вместе со своими – такими же зелеными – подружками хихикающей стайкой направляются к двери. Отважное знакомство с вертепом разврата закончилось вполне благополучно.

Еще большую радость чувствует он через полчаса, когда из бассейна притаскивают Таша – голого, мокрого и в полном отрубе. Подружки Анджелы, которым Сэнди дал коллективное прозвание Шустрые Шлюшки, отвели Таша к имитаторной серфинговой доске и уговорили его, непрерывно хихикая, покататься по проецируемым на видеозэкран волнам, что Таш и выполнил – с идеальной, несмотря на весь свой отруб, грацией.

– Э-гей! – кричит он, явно не замечая ничего, кроме своей волны, – великолепной, двенадцатифутовой высоты «трубы». Эрика, союзница Таша, смотрит на него весьма неодобрительно.

– Слышь, люди, – неожиданно оживился Джим, вот так, с раскинутыми руками, он точно как статуя Посейдона из Афинского музея, – я сейчас, подождите секунду.

Подойдя к видеопульту, он пощелкал на клавиатуре, и волна сменилась неподвижным изображением статуи: покрытая патиной бронза, бородатый мужчина, готовящийся метнуть дротик, вместо глаз – пустые ямы; Таш взглянул на Посейдона и мгновенно принял ту же позу. Потолок чуть не обрушился.

– Да он же и вправду копия, – крикнул кто-то, перекрывая общий гвалт.

– Даже глаза точно такие, – со смехом добавил Джим.

Таш отозвался негодующим рычанием, но позы не изменил.

Привлеченные оглушительным хохотом Эйба, к нему подсели две Шустрые Шлюшки, давние члены клуба поклонниц Эйба Бернарда; гибкие тела Инес и Мэри плотно прижались к

нему с обеих сторон, их пальцы начали перебирать его волосы. Да, блаженство не стесненной никаким союзом свободы...

Эйб положил руку на талию Инес, но тут же почему-то – может быть, виной оказалась податливость теплой плоти? – перед его глазами встала сегодняшняя раненая женщина. Только что вытащенная из сплетения искореженного металла, неестественно согнутая, залепленная пластырем, засунутая в корсет, окровавленная... Хрен с ним со всем. Тут же – резкие спазмы в желудке. Эйб изо всех сил обнял Инес, зажмурился и кое-как придал своему лицу нормальное выражение.

– А где тут моя пипетка?

10

Деннису Макферсону предстояло лететь в штат Нью-Мексико, в Уайт-Сэндс, на испытания системы ДУМ, получившей теперь кодовое название «Оса», так что этим утром он забежал в свой кабинет с единственной целью – прихватить последнюю почту. И нашел на столе записку с приказанием явиться к Лемону.

Чем выше поднимался лифт, тем чаще колотилось его сердце. Со времени последнего скандала прошла всего одна неделя, в тот раз Лемон налился кровью, стучал кулаком по столу и орал, орал, орал...

– Вы слишком медлительны для этой работы! Столько времени гробится попусту, на вылавливание блох, безупречности он, видите ли, добивается! Мне не нужны копуши и бездельники! Это тоже война, и здесь все – как на войне! Первая же возможность активных действий – и вперед, не останавливаясь, до упора! Разработка по «Осе» нужна мне ко вчера!

И так далее и тому подобное. Конечно же, всем работающим на Лемона хорошо известна привычка босса время от времени отключать все сдерживающие центры, только это совсем не значит, что Макферсон должен быть в восторге от таких сцен. Лемон давным-давно отошел от конструкторской работы, такие мелочи, как вес, напряжение, надежность работы, превратились для него в звук пустой. Подобной ерундой могут заниматься и другие, для него важны себестоимость, отдача, график, упорная работа отдела, внешний вид сотрудников. Он – бесстрашный вождь отдела, карликовый фюрер карликового рейха. Поручи Лемону разработку вечного двигателя, он и тогда будет орать про смету, график, связи с общественностью.

Сегодня начальник – само очарование, лично распахнул перед Макферсоном дверь кабинета, снова называет его Маком, непринужденно пристроился на краешке стола. Он что, не понимает, что такие вот сеансы очарования – когда они перемежаются безобразными сценами – не значат ровно ничего? Хуже, чем ничего, – подобное поведение изобличает в нем скользкого лицемера, маниакально-депрессивного психа, шута балаганного. Уж оставался бы все время орущим деспотом, и то было бы легче.

– Ну и как там, Мак, наша «Оса»?

– Мы изготовили экспериментальный образец системы, укладываемый в поставленные Фелдкирком ограничения. Лабораторные испытания прошли хорошо, и мы послали изделие на натурные. Его установили на одном из ДУМов, первый полет состоится в Уайт-Сэндс, как раз сегодня. Если все пройдет успешно, мы можем либо прогнать изделие через серию испытаний в термокамере, либо отдать его ВВС, чтобы те занялись проверкой сами.

– Отдадим ВВС, и чем скорее, тем лучше.

Ну конечно же, подумал про себя Макферсон. Им ведь все равно придется проводить эти испытания.

Оно, конечно, так, но было бы гораздо безопаснее узнать обо всех огрехах системы самим, а теперь их выявят вояки. Макферсон этого не говорит, хотя и надо бы. С него снимают

дальнейшую ответственность за систему, его лишают возможности заботиться о ее судьбе, тут есть от чего прийти в бешенство, но только как надоели все эти сцены.

Лемон ведет себя так, словно вопрос решен окончательно. Обычная для всех суперчерных программ беда, контрактор проводит слишком мало испытаний; с белой программой, при конкуренции, на такое не решится никто. И зачем, спрашивается, такая никому не нужная спешка, ведь ни о каком крайнем сроке даже и речи не шло. Фелдкирк просто сказал: будет все готово – приезжайте. Так что нет у этой гонки никаких причин, кроме обычной мании Лемона; он ослабляет позиции ЛСР, подвергает риску всю программу из-за своего совершенно иррационального ощущения, что нужно обязательно спешить, спешить, спешить...

– Мы работаем со всей возможной скоростью, – только и позволяет себе сказать Макферсон. Даже и это – риск нарваться на очередной скандал, ну да черт с ним.

– О, я знаю, я это прекрасно знаю. – В глазах Лемона появляется опасный блеск, он явно намерен углубиться в вопрос, что именно он знает, и насколько хорошо он это знает. Ведь он же босс, он всем командует, он все знает. Вот оно, началось. Однако Макферсону удается сохранить на протяжении начальственного монолога серьезное, вдумчивое лицо, так что все сошло вполне благополучно. Добавив несколько приличествующих фюреру вдохновляющих напутствий, Лемон закругляется.

– Ладно, поезжай в Уайт-Сэндс, – и складывает губы во вполне удовлетворительную имитацию улыбки; Макферсон даже не пытается ответить тем же.

Он едет на машине в Сан-Клементе, а там садится на сверхпроводниковый поезд, идущий до Эль-Пасо. Ощущение – словно ты снаряд в стволе электромагнитной пушки.

Этому испытанию предшествовали два очень трудных месяца. Каждый божий день он появлялся в своем кабинете к шести утра, составлял список сегодняшних дел – порою в сорок пунктов, – а дальше занимался всеми этими делами, иногда до позднего вечера. Вначале приходилось разбираться со всеми проблемами, возникавшими при конструировании системы «Оса»: беседовать с инженерами и программистами, вносить предложения, отдавать указания, координировать работу, принимать решения. Это самая приятная стадия, тебе брошен вызов, и ты отвечаешь на него, решая возникающие технические проблемы. К тому же у него подобрались отличные сотрудники – способные, упорные, каждый со своим бзиком, приходится координировать усилия таких разных и интересных людей, и это тоже интересно.

Затем подошло время изготовления и проверки блоков, вылавливания «клопов» – время самое неприятное для Макферсона, самое раздражающее. Ему не хватало специальных знаний, чтобы сделать на этой стадии что-нибудь существенное и конкретное, оставалось только руководить испытаниями и следить, чтобы все были при деле, – роль, больше похожая на роль Лемона, правда, исполнял ее Макферсон в совершенно ином ключе.

Далее подошли испытания больших частей системы, а теперь вот система испытывается в целом.

Поезд прибыл в Эль-Пасо менее чем через час после отправления; вертолет фирмы забрал его прямо с вокзала и доставил на ракетный полигон в Уайт-Сэндс – испытательную площадку, арендованную у правительства консорциумом оборонных компаний.

Вылезая из вертолета, Макферсон привычно сунул руку в карман и вытащил темные очки. Песок тут и вправду до странности белый¹² – какая-то удивительная причуда геологии. По этому случаю здесь, рядом с полигоном, организован небольшой заповедник, который никто, похоже, и никогда не посещает.

Макферсона отвезли в корпус, принадлежащий ЛСР, там его ждали приехавшие раньше инженеры.

¹² Уайт сэнд – «белый песок» в переводе с английского.

– Все готово, – сообщил Билл Гамильтон, постоянный представитель ЛСР на полигоне. – Нам выделили взлетную полосу А с полудня до часа ДУМ заправлен горючим и подготовлен к взлету.

– Великолепно. – Макферсон взглянул на часы. – Это еще полчаса?

– Да.

Они зашли в кафе, взяли кофе с булочками, а затем поднялись на крышу – там, на высоте шестого этажа, располагается наблюдательный пункт. Все подробности полета будут зафиксированы камерами и компьютерами, однако каждому хотелось посмотреть на долгожданное событие собственными глазами. Со всех сторон широкой бетонной площадки волнами дыбятся абсолютно белые барханы, они уходят за горизонт, напоминая океан, который мгновенно замерз, а затем выгорел на солнце так, что не осталось ничего, кроме чистой соли. Странный пейзаж, противоестественный – Макферсону он чем-то нравится.

На севере видны взлетные дорожки, совместно используемые компаниями, дорожки пересекаются, образуя нечто вроде «Х», наложенного на «Н»; на фоне окружающей белизны испещренный пятнами бетон выглядит неопрятно и даже грязно. Словно кубики какого-то малолетнего великана, по дюнам раскиданы компоненты изделий «Хьюза», «Аэродайна», «Локхида», «Уильямса», «Райтеона», «Парнелла», других компаний. На востоке столб дыма, он поднимается к небу тысяч на тридцать футов; чье-то испытание то ли удалось, то ли провалилось, в точности сказать трудно, однако вид этого столба наводит скорее на мысли о неудаче.

– «Локхид» испытывал на бомбардировщике «Стелс» новую систему управления бреющим полетом, – пояснил Гамильтон. – Говорят, система не заметила одного маленького холмика.

– Жаль.

– Автоматика катапультировала пилота примерно за секунду до взрыва, так что он выжил. Переломал ноги и ребра, а так – ничего.

– Хорошо.

– Все будущее за ДУМами, тут уж никаких сомнений. Теперешние самолеты летают слишком быстро, чтобы человек мог с ними справиться. Машина, на которой может лететь человек, стоит раз в десять дороже автоматической. Пилоты сидят в этих машинах, рискуют своими шеями – и все совершенно попусту, они ведь ничего не могут сделать.

– До тех пор, пока автоматика работает безотказно. – Макферсон сощурился, высматривая что-то на белом песке.

– Подобно нашей, ты хочешь сказать, – засмеялся Гамильтон. – Впрочем, это мы скоро узнаем. Танки там, – его рука махнула на запад, – у горизонта. Все сделано, как ты хотел, – они снабжены советскими противовоздушными системами «Бэйджер» и окружены установками зенитных ракет «Армадилло». Все эти штуки не позволят самолету особенно задерживаться над целью.

Макферсон кивает. На западе, у самого горизонта, шесть дистанционно управляемых танков – маленькие черные лягушки – косым строем двигаются к югу, в воздух поднимаются сахарные облака песка.

– Испытание честное.

Ожидание затягивается, и они продолжают рассказывать друг другу вещи, прекрасно известные обоим. Это нормально, ведь любой занервничает, когда подходит время проверки, – а не пошли ли все твои старания прахом? Будет ли в действительности все так же, как на бумаге, в расчетах? Разговор помогает успокоиться.

Из интеркома раздается треск, это их подключили к диспетчерской. Раскрываются ворота ангара, и оттуда выкатывается длинный черный самолет с узким фюзеляжем.

Под фюзеляжем два обтекателя.

Один из них белый, другой черный, большие, как сам фюзеляж.

Сенсоры. Можешь зажмуриться, это ничего не изменит.

Под каждым треугольным крылом, по бокам двигателей, ряды маленьких стреловидных снарядов.

Впереди фюзеляж сужается, превращаясь в длинный тонкий бивень, как у нарвала.

Сзади он переходит в стабилизаторы, почти такие же большие, как крылья.

Под фюзеляжем маленький цилиндр стартового ускорителя.

Пойми: он уже не похож на самолет.

И эти стоп-сигналы, мигающие в аксонах...

В целом этот странный, противоестественный аппарат выглядит слепым, как крот, и плохо приспособленным к полету. Есть что-то жутковатое в том, как он выкатывается на конец взлетной полосы, разворачивается, включает двигатели, мгновенно пробегает полосу и стрелой уходит в темно-синее небо. Кто остался в лавке? Макферсон видит улыбку на лице Гамильтона, чувствует, что улыбается и сам. В этой штуке есть что-то такое страшно... изобретательное, что ли? хитроумное? Птичка, одним словом, будь здоров.

Все это время из интеркома сыпались стартовые параметры и прочее в этом роде. Теперь, когда включили ускоритель и ДУМ исчез из виду, превратился в огненную точку, стоявшие на крыше прислушались:

– Экспериментальный аппарат три-три-пять приближается к высоте семьдесят тысяч. Три-три-пятый начнет работать по программе испытаний в момент «Т» минус десять секунд. Программа запущена.

Собравшиеся на наблюдательной площадке – там человек десять-двенадцать – пускают хронометры. Бинокли, висящие на шее у некоторых, пригодятся позже, после удара, сейчас ни одно пятнышко не нарушает безукоризненной чистоты темно-синего – в ОкО оно никогда не бывает настолько темным – неба. У Макферсона сбилось дыхание, он с трудом его восстанавливает. Вон, примерно там ДУМ исчез из виду, вполне возможно, он появится в совершенно другом месте, ну-ка, присмотримся получше... У Макферсона великолепное зрение, он перестает фокусировать внимание в одной точке, осматривает одновременно весь синий купол и наконец видит далеко-далеко на севере крошечную точку, изъяс в этой безукоризненной синеве.

– Глядите, – указывает он рукой. Сперва видна только огненная полоска, а затем со скоростью, за которой не проследить глазом, что-то черное валится с неба, проносится – бум! – над белыми барханами, и все танки распускаются оранжевыми бутонами огня, а черный призрак снова уносится в стратосферу. Семь звуковых скоростей – за таким и вправду не уследишь глазом, – вся атака заняла меньше трех секунд. Теперь над танками взвились черные клубы дыма. Бум-бум-Б-Б-У-У-У-М! Это докатился наконец грохот взрывов. Пустое синее небо, только теперь вдали, у горизонта, над белыми дюнами поднимаются шесть столбов грязного маслянистого дыма. Танков больше нет.

В тот момент когда до площадки долетел звук, все собравшиеся на ней уже дружно галдели, смеялись, пожимали друг другу руки. И неважно, в скольких испытаниях участвовал каждый из них прежде, потрясающая скорость этой машины, сила взрывов неизбежно производили впечатление. С одной стороны, они получили сенсорный, чисто физический шок, с другой – преисполнились гордостью за свою работу, свои вычисления, которые создали такую вызывающую благоговение мощь.

Гамильтон счастливо улыбается:

– Все эти «Бэйджеры» и «Армадиллы» не успели даже заметить, что что-то происходит, готов спорить. Посмотрим записи телеметрии и убедимся.

– Сенсорная система тоже не подвела, – заметил Макферсон.

Сегодня проверялось основное – способность системы находить и отслеживать цели; раз все это работает, значит, условия технического задания выполнены. Тот факт, что лучшие советские противовоздушные системы недостаточно быстры, чтобы остановить «Осу», – всего лишь повод для дополнительной радости, подтверждение того, что ВВС попросили сконструировать именно то, что нужно. Система работает – вот это самое главное.

Несколько часов ушло на предварительное изучение полученных данных. Все выглядело очень и очень прилично. Была открыта бутылка шампанского, все чокнулись пластиковыми чашками, а затем Макферсон собрал распечатки и отправился вертолетом на вокзал.

Подталкиваемый магнитным полем, поезд неся в вакууме надземного туннеля совершенно бесшумно, без малейшей вибрации. Сидя в этой тишине, Макферсон ощущал спокойную, умиротворенную гордость за успешно выполненное задание. Не обращая внимания на разложенные по коленям бумаги, он оглядывал роскошный интерьер. Лица сидящих в широких креслах бизнесменов укрыты за газетами, чаще всего – за «Уолл-стрит джорнел». Без окон, без шума и вибрации, трудно поверить, что поезд мчится с двойной звуковой скоростью. Мир стал совершенно невероятным местом.

Теперь предстоит долгое, кропотливое занятие: нужно описать систему в форме предложения. Объем составит несколько сотен страниц, не так, конечно же, много, как если бы предложение выставлялось на конкурс, но все равно именно Макферсону нужно будет просмотреть и отредактировать чудовищное количество описаний, таблиц, диаграмм и всего прочего. Удовольствие, прямо скажем, маленькое.

И все же. Сам факт, что наступила эта стадия, означает очень многое, он означает, что создана работоспособная система, укладывающаяся в заданные ограничения по размерам и потребляемой мощности. А этим могут похвалиться далеко не все разрабатываемые в ЛСР программы. Макферсон на мгновение вспоминает «Шаровую молнию», но тут же отбрасывает мысль. Это один из редких случаев, когда руководитель программы может сказать: «Работа закончена, и закончена успешно». Макферсон слышал такие слова далеко не часто, что само по себе уже говорит о многом.

Перед глазами снова встает полигон. Неправдоподобно стремительное пикирование, атака, исчезновение; быстрое, точное и полное уничтожение шести неуклюже ковылявших танков. Все это до крайности необычно и с физической, и с интеллектуальной стороны.

Вспоминая ход испытаний, Макферсон неожиданно начинает видеть картину шире, постигает истинное значение случившегося сегодня. Он словно отодвинулся от телевизионного экрана, потратив перед этим целый месяц на изучение каждой точки по отдельности. Теперь он видит, что именно изображено на экране. Вся эта система – ДУМ с его скоростью, радарной невидимостью, дешевизной, отсутствием пилота, за жизнь которого нужно бояться, в сочетании с глазами «Осы» и «умными» снарядами – эта система как раз и есть то хирургически точное оружие, которое может совершенно изменить весь характер войны. Если русские двинут на Западную Европу несметные полчища своего Варшавского договора – более того, если вообще какая-либо армия куда-либо вторгнется, – с неба свалятся эти беспилотные мстители. Прежде чем оборонительные системы заметят их и соберутся отреагировать, они уже отстреляются, и после каждого захода у агрессора будет на полдюжины танков либо других машин меньше. Не успеешь и опомниться, как от сил вторжения не останется ровно ничего.

А конечный результат всего этого, если принять во внимание, что никакой особо сложной технологии тут не требуется – ведь ЛСР совсем не является какой-то там сверхизобретательной фирмой, таких фирм просто нет, – конечный результат состоит в том, что такими системами смогут обзавестись все страны, и тогда никто не сможет вторгаться в чужую страну. Это станет попросту невозможным.

Нет, воевать, конечно же, будут – не такой он идеалист, чтобы думать, будто сверхточные системы вооружения покончат с войнами как таковыми, – но любые крупные силы, решив-

шиеся вторгнуться к соседу, обречены на быстрое хирургическое уничтожение. Поэтому ни о каком крупномасштабном вторжении не сможет идти и речи, что крайне ограничит размах возможных войн.

И для всего этого не потребуется угрозы ядерного возмездия. В течение чуть ли не сотни лет НАТО использует свое ядерное оружие как щит на пути агрессии стран Варшавского договора. Артиллерия с атомными снарядами, атомные подводные лодки на Балтике и в Средиземном море, противоречащие международным договорам снаряды среднего радиуса действия с малым временем полета, припрятанные в Западной Германии и готовые появиться на свет божий, как только двинутся танки... Ситуация предельно опасная, ведь никто не может сказать заранее, что будет после того, как взорвется хотя бы одна ядерная головка, на чем остановятся боевые действия. Скорее всего и вообще не остановятся, пока не будут перебиты все. А если даже и остановятся, европейские города будут к этому моменту уже уничтожены. И все это с единственной целью: сдерживать танки!

Но теперь, теперь, когда есть «Оса»... Теперь появится возможность вывести из Европы все ядерное оружие, сохранив при этом стопроцентно надежную защиту против любой неядерной агрессии. И не нужно будет, чтобы вместе с захватчиками гибли города и их население, не потребуется ничего, кроме точного, ограниченного, можно даже сказать, гуманного ответного удара. Если вы к нам вторглись, вас быстренько перещелкают роботизированные снайперы, от которых нет никакой защиты. Быстрое, хирургически чистое уничтожение вторгнувшихся войск – и войне конец. Войны – во всяком случае крупные войны, связанные с вторжением, – станут невозможны. Господи, ведь действительно, какая идея! Оружие, которое заставит антагонистов вести переговоры, – даже без ужасающей угрозы обеспеченного взаимного уничтожения. Имея подобное оружие, есть, если разобраться, прямой смысл ликвидировать весь этот мегатоннаж, избавиться от ядерного кошмара... Неужели такое может быть? Неужели история подошла к такой точке, за которой техника сделает войну пережитком прошлого, сделает ядерное оружие ненужным?

Да, это похоже на истину. Он сам видел залог этой истины, видел черный силуэт, на скорости в семь звуковых метнувшийся к белым барханам пустыни, видел периферийным зрением, на какой-то краткий миг, но видел, и не далее чем сегодня. Похоже, его работа, пот лица его, и впрямь поможет избавить мир от дрящегоса целый век кошмара – угрозы ядерного уничтожения. Или даже от дрящейся тысячу лет угрозы развязывания большой, катастрофической войны. Такой... ну что там крутить, такой работой и вправду можно гордиться.

И в этот момент, несясь над песчаной пустыней, Макферсон неожиданно ощущает гордость, какой он не испытывал никогда прежде, эта гордость была похожа на радужное сияние, на солнце, вспыхнувшее в груди. Да, это действительно кое-что.

11

Во сне Джим пробирается по усеянному развалинами склону холма. У подножия холма поблескивает черное озеро. От бывших здесь когда-то строений не осталось ничего, кроме низких стен; все вокруг тихо и пустынно. Джим бродит среди этих стен, он что-то ищет, но, как всегда в таких снах, не может толком вспомнить, что именно. Он натывается на осколок фиолетового стекла от витража, но ему было нужно что-то другое, это он знает точно. На вершине холма начинает пузырем вздуваться нечто призрачное, вот теперь-то он все узнает...

Он просыпается в Футхилле, в своей собственной маленькой квартире, сквозь окно льется яркий солнечный свет. Он глухо стонет и скатывается на пол. Как трещит голова! Что же это такое мы вчера запускали в глаз? Он с трудом поднимается на ноги и осматривается. В комнате полный кавардак, повсюду разбросаны скомканная одежда и постельные принадлежности.

Три стены покрыты большими, издания братьев Томас, картами округа Ориндж: одна – еще тысяча девятьсот тридцатых годов (дороги едва намечаются), одна – тысяча девятьсот девяностого (северная часть покрыта сеткой дорог и соприкасающимися друг с другом городами) и совсем недавняя (весь округ превратился в сплошную густую сеть). Все равно как, в очередной раз думает Джим, повесить себе в спальню рентгеновские снимки стадий развития раковой опухоли. Сюрреалистическая опухоль.

Теперь, пошатываясь и спотыкаясь, в ванную. Стоя перед унитазом, Джим таращится на большую, плохо окантованную этикетку, такие когда-то наклеивались на ящики с апельсинами. Этими этикетками увешаны все стены в ванной.

Три монаха пробуют апельсины рядом с белой обителью. За ними зеленеет роща, вдали вздымаются синие, со снежными вершинами горы.

Два павлина перед диснейлендовским замком: «Калифорнийская мечта».

Маленький домик, вокруг аккуратные ряды цветущих апельсиновых деревьев.

Очаровательная мексиканка с корзиной апельсинов в руках. За ней зеленеет роща, вдали вздымаются синие, со снежными вершинами горы.

Ты никогда здесь не жил.

Эти этикетки относятся к первой половине двадцатого века, они – работа печатника Макса Шмидта и художников Арчи Васкеса и Отелло Мичетти. И прочих. Богатые, насыщенные цвета – плод полиграфического процесса, именовавшегося цинкографией. Собранные вместе, эти этикетки составляют, как кажется Джиму, первую и единственную утопию округа Ориндж, коллективное видение средиземноморской теплоты и легкости, потрясающее своей – в стиле ар-деко¹³ – живостью. Ах, что за жизнь! Джим пытается представить себе, как это было: великая депрессия, пыльные бури, температура ниже нуля, бедный фермер со Среднего Запада приходит в лавку – и вдруг, среди всяких тебе товаров первой необходимости, упакованных в тусклые, унылые банки и картонки, эти ярко-оранжевые, синие, зеленые, белые сны! Чего же тут удивляться, что в ОкО перенаселенность. Вот эти самые этикетки приказывали фермерам – иди на Запад. В те времена они и вправду могли найти страну, схожую с той, что на этикетках. А вот для Джима это невозможно. Он живет здесь – и все же бесконечно удален от этой страны.

Утопии прошлого всегда немного печальны. Джим натягивает штаны, рубашку, шлепает через всю квартиру к входной двери и выглядывает наружу.

Солнечный день. Над головой тяжело нависла трасса, большая такая бетонная хреновина, застывшая в небе, пересекающая его из края в край. Опоры скромно расставлены на задворках, иногда – посреди уличных перекрестков. Вообще-то футхиллская трасса – далеко не новая штука, она появилась еще в конце того века. Все участки, по которым она должна была пройти, были плотно застроены, и домовладельцы ни в какую не соглашались продать свои жилища на снос. Ну и что же придумали? Придать новой магистрали форму виадукта, сделать ее частью вознесенной над землей сети дорог, которая прокладывалась в наиболее плотно заселенных частях Ньюпорта и Санта-Аны. Стоимость домов под этой вечно ревущей бетонной полосой, конечно же, разом упала, но ведь их же никто и пальцем не тронул, верно?

Теперь эти дома поделили на квартиры, и они стали идеальным пристанищем для небогатых людей «умственного» труда, вроде Джима. Машины перестали быть такими шумными, как прежде, а что касается тени от дороги, то, как неизменно отмечают торговцы недвижимостью, жарким летом она представляет собой скорее преимущество, чем недостаток.

¹³ Ар-деко – стиль в искусстве начала XX века. От art deco – букв. декоративное искусство (*фр.*).

Джим возвращается в комнату, состояние у него – полный облом. Голова раскалывается, мысли в ней идут как-то наперекосяк. Тоскливо ковыряясь в обычных своих утренних овсяных хлопьях с молоком, он думает об Артуре Бастанчери. Хорошая старая баскская фамилия, пошла она от пастухов, пришедших в ОкО еще тогда, когда Джеймс Ирвин использовал свою землю под пастбище. Во внешности Артура сохранилось что-то баскское – смуглое лицо, светлые глаза, квадратный подбородок. А у этих ребят давняя традиция активного сопротивления – там, у себя, в Испании. Они и терроризмом не брезгают. Джим не имеет ни малейшего желания заниматься террором, а вот если можно сделать что-либо каким-нибудь другим способом... Он вздыхает, снова берется за ложку, тупо таращится на свою гостиную. Гостиная таращится на него.

Книги повсюду. Историки ОкО – Фриз, Медоуз, Старр и др. Поэзия.

Романы. Кипы и кипы – здесь все что угодно. Рядом с окном – уголок дзен: циновка, палочки благовоний, свеча.

Компакт-диски разбросаны по древнему проигрывателю, по выстроенным из кирпичей и досок книжным полкам.

Письменный стол завален бумагами. Потрепанная, из бамбука и винила, койка.

Бумага повсюду. Газеты, письма, какие-то записи.

Стихотворение на счете из бакалеи.

Мы питаемся культурой, ни дня без культуры.

Ну и как она на вкус?

Эва! А ведь кто-то забыл помыть посуду.

А что пыль не вытерта – так и пусть ее.

– Мы считаем, что невероятное количество денег и человеческих усилий (не забывай, что деньги – концентрированное выражение этих самых усилий), вкладываемое в гонку вооружений, является величайшей опасностью нашего времени. – Так сказал Джиму Артур в ночь того плакатного блицкрига. – Ни одна из наших легальных попыток хоть немного притормозить военно-промышленный комплекс не дала ровно ничего. Они – главная в этой стране сила, и ничто их не остановит. Мы не хотели прибегать к насилию, однако постепенно стало ясно, что нужно действовать, нужно выйти за рамки политики. Неожиданно выяснилось, что есть техника, способная уничтожить продукцию, не трогая производителей, и мы решили воспользоваться таким удачно подвернувшимся случаем.

– А откуда может быть у вас уверенность, что никто не пострадает? – От этого разговора Джиму становилось несколько не по себе. – То есть я хотел сказать, ведь с этого всегда и начинается, верно? Сперва не хочешь никакого насилия, затем разочаровываешься, а может, просто забываешь, чего там хотел или не хотел вначале, и вдруг как-то само собой получается, что ты занимаешься террором. С такими делами я не хочу иметь ничего общего.

– Это совершенно разные вещи, террор и саботаж, – вскинулся Артур. – Наши методы приводят в полную негодность пластики, программное обеспечение, различные композитные материалы, не подвергая при этом людей ни малейшей опасности. Мы выбираем наиболее, по нашему мнению, дестабилизирующие военные программы и устраиваем им веселую жизнь. Я не могу сейчас об этом подробнее. И мы очень терпеливы, мы не спешим и не считаем, что отсутствие быстрых конкретных результатов – достаточная причина для перехода к более решительным действиям. Сколько лет потребуется, столько и потребуется, пусть двадцать, пусть хоть сорок. И мы всегда обеспечиваем стопроцентную гарантию, что ни один человек не пострадает. Это – один из самых важных для нас принципов. Отбросив его, мы превратимся в одну из частей все той же машины войны.

Джим кивнул. Рассуждения Артура звучали вполне разумно. А вот сейчас, за завтраком, разумность не казалась такой уж очевидной. В тот раз он сказал Артуру, что хотел бы помочь. А Артур ответил, что поговорим лучше потом. Когда же все это было-то? Неделю назад? Две недели? Трудно сказать. Будет ночной разговор продолжен или не будет – неизвестно, но возможность такого продолжения очень Джима тревожила.

Вконец расстроившись от всех этих воспоминаний, он решил помедитировать – сел на свою дзеновую циновку и поджег палочку для воскурений. Теперь – подготовка к дза-дзен, нужно очистить мозг. Никаких мыслей, полная открытость и опустошенность. Струйки сладковатого дыма поднимаются к потолку, извиваются в солнечных лучах, следи за ними и ни о чем не думай.

Ни о чем не думать трудно, очень трудно. Сосредоточься на дыхании. Вдох, выдох, вдох, выдох, вдох, выдох, вот, вот, уже получается! Черт. Снова все испортил. Начнем сначала. А ведь сумел все-таки отключиться, секунд на пять, а то и десять. Тоже вполне прилично. Заткнись! Попробуй еще раз. Вдох, выдох, вдох, выдох, вдох, выдох, интересно, с кем играют сегодня «Доджерс», ч-черт, вдох, выдох, вдох, выдох, какой завиток дыма красивый, тс-с-с! Вдох, а что это там такое? Вот дьявол! Не думай, не думай, хорошо, я не думаю, я не думаю, я не думаю, видишь, я же совсем не думаю!.. Да-а... Ну ладно. Так что там было, вдох? выдох?

Без толку это все. Джим Макферсон – самый уторчавшийся дзен-буддист в истории дзен-буддизма. Ну как это так – перестать думать? Это же невозможно. Этого даже во сне не бывает.

Ну, секунд на пятнадцать-то все-таки получилось. Бывало и хуже. Джим поднимается с циновки. Полный депресняк. Утром у него всегда так – то ли сахара в крови не хватает, то ли тех разнообразных наркотиков, которыми он накачивается в течение дня. Но сегодняшний депресняк какой-то особенно черный. Джим в полной растерянности и тоске.

Тогда попробуем плыть по течению. Джим ставит личного своего изготовления «Супертрагическую симфонию», коллаж из четырех наиболее печальных – по его же, конечно, мнению – эпизодов симфонической музыки. Вначале идет похоронный марш из Третьей симфонии Бетховена, величественный и зовущий бороться с ударами судьбы, полный активной печали, как и приличествует первой части. Вторая часть «Супертрагической» – это вторая же часть Седьмой Бетховена, торжественная мелодия превращается, как это обнаружил Бруно Вальтер, в похоронный марш – если плюнуть на указания Бетховена играть ее алегретто и перейти на адажио. Тяжелая, величественная, ритмичная, полная глубокой печали.

Третья часть – опять же третья часть, но на этот раз Третьей Брамса, лирическая и меланхоличная, квинтэссенция октября, вся осенняя грусть всех веков, собранная в прозрачную мелодию, структура которой многим обязана предыдущей части Седьмой Бетховена. Джиму нравится этот факт – во-первых, он открыл его сам, а во-вторых, такая связь подтверждает право «Супертрагической симфонии» на существование.

Ну а финал – последняя часть «Патетической» Чайковского, тут уж ни о какой сдержанности нет и речи, все стоп-краны сорваны, рыдай себе захлеб и никого не стесняйся. Тоска, отчаяние, боль утраты, все страдания царской России плюс личные проблемы Чайковского – все сконцентрировано в одном жутком предсмертном стоне. Полный отпад.

Симфония – пальчики оближешь. Возникали, конечно, заморочки с переходом из тональности в тональность, но только Джиму на все это плевать. Зато появляется возможность выплеснуть наружу свою тоску и пришибленность, пропеть их, дирижировать ими, попутно слоняясь по квартире якобы с целью хоть немного в ней прибраться, падая обессиленно то в одно, то в другое кресло, размахивая воображаемой палочкой и погружаясь при этом во все более черные глубины отчаяния. Да, вот это я понимаю – депрессуха! Понемногу Джим начинает любоваться своей депрессией, ловить от нее нечто вроде кайфа. К последним аккордам он чувствует себя совсем опустошенным. Наступил желанный катарсис, и мир стал как-то привлекательнее.

Появилось даже настроение что-нибудь написать. Джим – поэт. Да, он поэт, поэт, поэт, поэт.

Правда, занятие это весьма тяжелое – ведь наваленные на полках, кипами громоздящиеся на захламленном письменном столе книги содержат пугающее количество шедевров. На каждое тыканье пальцем в клавиатуру старенького компьютера эти тома отзываются издевательским хохотом. Шекспир, Шелли, Стивене, Снайдер – тьфу! В наши дни, в наш век писать стихи просто невозможно. Джим презрительно смеется над самыми лучшими, знаменитыми поэтами двадцать первого века – и в то же самое время рабски подражает им в собственных своих опусах. Заплесневевший постмодернизм, переваливший уже за пенсионный возраст, – что он, собственно, такое? Пустое, никчемное фиглярство. Нужно создать нечто новое, но ничего нового уже не создашь, все создали другие, раньше тебя. Положение весьма затруднительное. Джим выходит из него, сочиняя постмодернистские стихи в надежде сделать их пост-постмодернистскими, для чего компьютер тасует строчки случайным образом. К сожалению, постмодернистские стихи и сами по себе выглядят так, словно строчки их перетасовывали случайным образом, поэтому все ультрарадикальные эксперименты Джима не приводят ни к каким ощутимым результатам.

Как бы там ни было, самое время попробовать еще раз. Полчаса Джим таращится на пустой экран, полчаса печатает, а затем перечитывает, что же там такое получилось?

Сними себе квартиру.

Сквозь пол пробиваются апельсиновые деревья. Две комнаты и ванная, окна и дверь. Твоя крыша – трасса. Манящая тень. Моторизованный ландшафт: аутопия, ездить одно удовольствие.

Магнитное поле невидимо, но верим же мы в него. Взберись по освещенной вечерним солнцем опоре. Теперь ложись на медь магнитных дорожек, позагорай. Все наши пляжи насыпают привозным песком.

Ты умеешь плавать? Нет. Тогда просто полежи.

Съешь апельсин. Почитай.

Переезжающие через тебя мельком взглянут.

Порядок. Теперь прогоним через рандомайзерную программу, лучше всего через ту, удачную, у которой такое хорошее чувство ритма. Так, каков результат?

Твоя крыша – трасса. Манящая тень. Съешь апельсин. Почитай.

Моторизованный ландшафт: аутопия, ездить одно удовольствие.

Сними себе квартиру.

Теперь ложись на медь магнитных дорожек, позагорай.

Две комнаты и ванная, окна и дверь.

Магнитное поле невидимо, но верим же мы в него.

Все наши пляжи насыпают привозным песком.

Переезжающие через тебя мельком взглянут.

Ты умеешь плавать? Нет. Тогда просто полежи.

Сквозь пол пробиваются апельсиновые деревья.

Взберись по освещенной вечерним солнцем опоре.

А что, совсем неплохо, верно ведь? Джим читает новый вариант вслух. Ну, в общем-то... Он прогоняет стихотворение через компьютер еще раз, и вдруг все три варианта кажутся ему предельно глупыми. Из головы не идет высказанное кем-то мнение: если после перестановки строчек стихотворение стало лучше, значит, в этом стихотворении с самого начала что-то было не так. Например, последовательность строк. Джим думает о шекспировских сонетах, о «Юлиане и Маддало» Шелли. А точно ли он занимается тем же самым родом деятельности, что и они когда-то? «Сними себе квартиру»?

Чушь это все. Жалкие и смешные потуги. Правду говорил Артур, нет у него никакой осмысленной работы! А к тому же – он почти уже опаздывает на работу бессмысленную, ту, за которую платят деньги. Это плохо. Джим мгновенно обувается, наскоро чистит зубы, наскоро причесывается, бежит к своей машине и набирает адрес Первой Американской Компании Титульного Страхования и Торговли Недвижимостью, каковая компания расположена в Санта-Ане, на Пятой Восточной. Старейшая во всем округе Ориндж титульная компания все еще крутится, как молоденькая, так что, добравшись до своего рабочего места, Джим обнаруживает всегдашний неподъемный завал документов, которые нужно отпечатать и обработать. Извещения, передаточные записи, акты оценки, вся эта бесконечная юридическая мутовка, без которой землю не купишь и не продашь. Джим – служащий самого низшего ранга, нечто вроде внештатной машинистки; сколько он ни старается сегодня работать на автопилоте, думать исключительно о недавнем своем разговоре с Артуром, все равно трехчасовая смена тянется убийственно долго, выжимает последние силы. Каждый из сидящих в комнате уткнулся в свой экран и щелкает по своей клавиатуре, каждый настолько поглощен своей работой, что не замечает ничего и никого вокруг. Ни одного знакомого лица – у фирмы так много внештатников, а рабочий день Джима так краток, что он успел запомнить очень немногих – товарищей по несчастью, что ли? Сегодня никого из них не видно.

Становится так тоскливо, что он идет поговорить с Хэмфри, который тут вроде как босс, – в том смысле, что Хэмфри пользуется услугами машинописного бюро, где работает Джим. Хэмфри – восходящая звезда торговли недвижимостью, в глазах Джима это просто омерзительно, но разве скажешь такое другу?

– Привет, Хэмф. Как оно?

– Отлично, а у тебя?

– Порядок. А чего у тебя такого отличного?

– Ты ведь слышал, как я исхитрился зацапать на правительственной распродаже один из последних кливлендских участков.

– Как же, слышал.

Про себя Джим считает это одним из самых жутких событий за последние двадцать лет: под непрерывным давлением южнокалифорнийского риелторского лобби и Наблюдательного совета ОкО федеральное правительство согласилось распродать Кливлендский национальный лесной заповедник, расположенный на границе округов Ориндж и Риверсайд, – распродать частным владельцам, кусками. А что тут, собственно, такого? Надо же с чего-то платить проценты по гаргантюански распухшему государственному долгу, да и леса там никакого давно нет и в помине, одни голые холмы, окруженные поселками, которым земля эта нужна позарез, верно ведь? Верно. Таким вот образом, с одобрения министра охраны окружающей среды (в прошлом – владельца крупной строительной фирмы), Конгресс принял закон, почти незамеченный в большом пакете других, принимавшихся одновременно, в результате чего последнюю в ОкО пустующую землю поделили на пять сотен участков и загнали с аукциона. За очень хорошие деньги. Отличный, с точки зрения политики, шаг. Вызвавший всеобщее одобрение.

– Так вот, – продолжал Хэмфри, – мы хотим поставить там административный корпус. Были, правда, трудности с финансированием, но сейчас это уже в прошлом. Проектом заинтересовался Амбанк, если они не остынут, все будет в порядке.

– Послушай, Хэмфри, – изумился Джим. – Ведь административные здания Сантьяго и так заполнены хорошо если на тридцать процентов. Ты же не мог найти ни одного дурака, согласного выложить деньги на строительство нового комплекса.

– Верно, но я получил уйму письменных заверений, что люди переедут в новое здание, когда оно будет построено. Тем более что мы обещаем на первые пять лет освободить их от платы за помещение. Эти записки убедили инвесторов, что проект жизнеспособен.

– Но ведь это все липа! И ты сам знаешь, что это липа! Ты построишь там еще одну сорокаэтажную махину, и она будет стоять пустая!

– Не-а, – упрямо покачал головой Хэмфри. – Главное построить, а за съемщиками дело не станет. Просто потребуется какое-то время. Ты пойми, Джим, если удалось получить одно-временно и землю, и деньги, – значит, нужно строить. И не волноваться насчет заселения – как-нибудь уж все утрясется. Вот только нам позарез необходимо окончательное согласие Амбанка, и поскорее, пока другие инвесторы не разбежались, а эти ребята все тянут резину.

– Так ведь, если вы постройте здание и никто не захочет туда вселиться, именно Амбанку и придется платить за все эти игры. Вот они и чешут в затылке.

О таком Хэмфри не хочет и думать. Кроме того, через полчаса у него встреча с президентом компании, поэтому он выпроваживает Джима из кабинета.

Джим возвращается к столу, берет телефон и звонит Артуру.

– Слушай, я ведь и вправду заинтересовался – ну, тем, о чем мы тогда говорили. Я бы хотел...

– Давай не будем сейчас об этом, – быстро обрывает его Артур. – Лучше потом, при встрече, а то по телефону разговор какой-то не такой. Но это хорошо. Это очень хорошо.

И снова тыкать в клавиатуру, проклиная и Хэмфри, и эту идиотскую работу, и жадных тупых политиканов, всех подряд – местный наблюдательный совет, Конгресс, вконец прогнившее федеральное правительство. Ну вот, смена окончилась, еще три часа жизни возложены на алтарь великого бога денег. Джим выключает компьютер и собирается уходить. Сегодня по расписанию ужин у родителей...

Ну чтоб его! Совсем забыл про дядю Тома! Не навестив дядю Тома, к мамочке лучше и на глаза не показываться. Господи, что же это за день такой получается! Времени-то сколько, четыре? Вот как раз сейчас-то и пускают посетителей. Мама обязательно спросит, и никак из этого дела не выкрутишься. Самое лучшее – съездить туда побыстрее, забежать на минутку к дяде Тому, а потом уж – к маме, ужинать. Да что же это за напасть такая!

12

Как ни верти, а приходится ехать в «Подыхай на здоровье». Когда «Вольво» вывернул на четыреста пятый, Джим включил радио; «Раздолбай» заканчивали свой последний хит, он врубил звук на полную катушку, на все сто двадцать децибел, и начал подпевать – тоже во все горло:

*В околплодные воды любви
Я без раздумья нырял.
Живчик свою яйцеклетку нашел —
Выиграл я или я проиграл?*

«Подыхай на здоровье» раскинулся на Лагуна-Хиллз, от Эль-Торо до Мишн Вьехо: росс-мурский центр «Отдыхай на здоровье» – целый город, в прошлом доступный только самым богатым из стариков. Теперь тут есть и свои роскошные кварталы, и свои трущобы, и свои психушки – точно так же, как и в любом другом «городе» ОкО, и перенаселен этот «Подыхай» будьте нате, ведь сейчас гораздо больше стариков, чем когда-либо в прошлом, огромный процент населения перевалил за семьдесят лет, то ли два, то ли три процента – даже за сто, а ведь надо же им всем куда-то деться, верно? Вот и набилось здесь добрых полмиллиона человек.

Джим находит место для парковки, вылезает из машины. Да-а, местечко. Вот уж где депрессия так депрессия. Джим страстно ненавидит этот отдыхательно-подыхательный поселок. И дядя Том тоже его ненавидит, Джим не сомневается. Но с эмфиземой легких, да еще

когда единственный твой доход – федеральная пенсия по старости, особенно не повыбираешь. Здешние квартиры содержатся на государственную дотацию, они до смешного дешевые и предоставляются исключительно старикам. Если так посмотреть, дом, в котором живет дядя Том, похож на любой другой – разве что все в нем какое-то тесное, унылое, одним словом – занюханное. Тут уж никакого тебе показного форса, никаких тебе липовых средиземноморских фасадов, скрывающих многоквартирную тоску. Это – дом для престарелых.

Более того, психическое отделение дома для престарелых. Вообще-то по большей части дядя Том сохраняет достаточно здравый рассудок – лежит себе спокойно в кровати, старается дышать ровно. Но время от времени он срывается и лезет в драку – с санитарями, с кем угодно; тогда за ним нужно наблюдать.

Это происходит уже давно, во всяком случае, не меньше десяти лет. Дяде Тому за сто.

Думать о дяде Томе, о его жизни – нестерпимо, и, когда подобные мысли все же приходят Джиму в голову, он сразу их выбрасывает. Но во время нечастых посещений заведения для престарелых такого не сделаешь – тут уж все прямо перед глазами.

По пандусу – здесь сплошные пандусы, это для инвалидов колясок – наверх, к столу дежурной.

– Время для посещений заканчивается через сорок пять минут.

Ну почему, спрашивается, у нее такая недовольная, постоянно кислая морда и сучий голос?

Не беспокойся.

Полутемный коридор пахнет аптекой. Кресла-каталки стукаются в стены, словно аттракционные автомобили на ярмарке; в креслах старые развалины, по большей части накачанные какими-то наркотическими препаратами, – по подбородкам струится слюна, глаза пустые, остекленевшие. Совсем молоденькая нянечка толкает кресло и часто-часто моргает, явно готовая заплакать. Вот-вот, в детском саду – нянечки, здесь – опять нянечки («Выиграл я или я проиграл?»)

Крохотная комната дяди Тома едва вмещает кровать, зато окно выходит на юг. Джим постучал и открыл дверь. Ну да, дядя Том, как всегда, смотрит в любимое свое окно – лежит, словно в трансе, и смотрит на клочок голубого неба.

Мятая фланелевая пижама в клеточку.

На подбородке трехдневная седая щетина.

Так это здесь ты живешь?

Прозрачная пластиковая трубка от ноздрей к стоящему под кроватью баллону. Кислород.

Лысая, веснушками усыпанная репа. Десять тысяч морщин. Голова черепахи.

Она медленно поворачивается, на Джима устремляются тусклые карие глаза, глаза быстро моргают, постепенно фокусируются; глядящий сквозь эти подслеповатые окошки разум неохотно возвращается в комнату – из неизвестно уж каких там своих далей. Том сглатывает слюну, как и всегда, он чувствует себя неловко.

– Привет, дядя Том.

Дядя Том смеется – словно кто-то комкает кусок бумаги.

– Не называй меня дядя Том, а то мне кажется, что сейчас придет Симон Легре. И отхлещет меня кнутом. – Снова смех; похоже, дядя Том окончательно проснулся. Он слегка приподнялся, секунду назад тусклые, глаза его приобрели знакомый Джиму острый, сардонический блеск. – Или сделаем так. Ты называй меня дядя Том, а я буду звать тебя негр Джим. Получится разговор двух рабов.

Джим заставляет себя улыбнуться:

– А что, хорошо.

– Хорошо, думаешь? Так что же тебя сюда занесло? Люси на этой неделе не придет?

– Понимаешь...

– Ничего, ничего. Будь моя воля, я бы и сам ни в жизнь сюда не пришел. – И опять комкается бумага. – Лучше расскажи, чем ты там занимаешься. Как твоё преподавание?

– Прекрасно. Дело в том, что... понимаешь, это трудно, учить людей писать. Они и читают-то не слишком много, так что почти не имеют представления, как нужно писать.

– Ничего нового, так было всегда.

– Готов поспорить, сейчас все еще хуже.

– Спорь с кем-нибудь другим, я не стану.

Дядя Том смотрит на Джима, смотрит пристально, изучающе. Неожиданно Джим вспоминает свою археологическую экспедицию.

– Слушай, я ведь откопал кусок эль-моденской начальной школы. Черт, жаль, не захватил с собой, а то бы показал.

Он рассказывает дяде Тому о ночных приключениях, дядя Том отзывается все тем же болезненным смехом.

– Наверное, это просто деревяшка, оставшаяся после строительства пышечной. Но мысль отличная. Эль-моденская начальная школа. Могучая мысль, иначе не скажешь. Даже тогда, когда в ней учился я, она была очень старой. Ее закрыли вскоре после окончания строительства Ла Веты. Два длинных деревянных здания, двухэтажные, с подвалами. В одном еще, помню, был большой колокол. Колокол потом получила средняя школа, и директора тоже, того самого, который был раньше директором начальной. У него еще случился нервный припадок в день начала занятий, на построении. Вzbесился прямо у нас на глазах. А между зданиями был большой двор. Здания деревянные, случись пожар, так и не выберешься, поэтому нам чуть не каждый день устраивали учебную пожарную тревогу. В этом самом дворе мы играли в бейсбол. Раз я вышел на первую, потом подал и вышел на вторую, ребята перекинули, и я взял, вышел на третью, снова перекинули, и я в доме. Я в безопасности, ребята построили на мне всю эту игру, а тут мистер Бичем меня позвал. Вроде по делу, а в действительности ему просто не нравилось, что у меня так шустро получается. Ублюдок он был. А еще мы соскакивали с качелей наверху, на самом большом размахе, и летели. Сейчас не верится даже, что мы не ломали руки-ноги каждый день, но ведь и вправду не ломали.

Дядя Том вздыхает и смотрит в окно, словно через него открывается вид на предыдущее столетие. Он описывает свое прошлое с какой-то лихорадочной горечью, словно в обиду, что оно ушло так далеко и необратимо. Слушать его интересно, но в то же время и как-то тоскливо.

– Были две девочки, они всегда держались вместе, и все над ними издевались. Дразнили их. Лупоглазая и Гургон – это, наверное, значило Горгона. Удивительно, правда, что хоть один из наших мальчишек знал такое умное слово. Они, понимаешь, были умственно отсталые и на вид тоже страшненькие. Лупоглазая – вся какая-то сморщенная, усохшая, а Гургон – большая и уродливая. Дебилки. Мальчишки ловили их на перемене, тыкали в них пальцами и смеялись. – Дядя Том печально покачал головой и снова взглянул в окно. – А у меня была своя забава, я вроде как играл в прятки с учительницей, которая следила за порядком на переменах. Какая уж там игра, скорее – психологическая война. Пробирался подвалами с одной стороны двора на другую, выскакивал и пугал ее. Она видит меня сперва здесь, а потом вдруг там, чуть с ума не сходила. Один раз я бежал вот так по подвалу и вдруг вижу Лупоглазую и Гургону, они там, значит, прячутся. Прижались друг к другу...

Глаза дяди Тома заморгали, как у той нянечки в коридоре.

– Дети жестокие, – умудренно заявил Джим.

– И ничуть не меняются с возрастом! Ничуть не меняются. – В голосе дяди Тома слышится медная горечь. – Здешные санитарки делят нас на «О» и «Q». «О» – это те, у которых

все время раскрыт рот, а «Q» – у которых еще и язык изо рта свешивается. Смешно, правда? – Он снова покачал головой. – Люди жестоки.

Джим слегка скрипнул зубами:

– Может, потому ты и стал судебным адвокатом?

Увидеть двух умственно отсталых детей, испуганно забившихся в подвал, – неужели такое может определить всю дальнейшую жизнь?

– Может, и так. – Свет в маленькой комнатке становится медно-красным, воздух приобретает медный вкус. – Может, и так.

– А на что это было похоже – работать судебным адвокатом?

– На что похоже? Это работа, от которой разрывается сердце. Бедняк совершает преступление, его арестовывают. Большая часть преступлений совершается очень бедными людьми, они ведь находятся в отчаянном положении. Это очень понятно, трудно бы ожидать чего-нибудь другого. Он имеет право на защиту, но адвокат ему не по карману. Тогда судья назначает защитником одного из нас. Огромная нагрузка, бесконечное количество дел – самых разнообразных, хотя, конечно, многое повторяется из раза в раз. Хорошая, конечно, тренировка, но... Не знаю. Во всяком случае, должен же кто-то этим заниматься. Наше общество несправедливо, и такая работа – сопротивление, активная борьба с несправедливостью.

Джим молча кивает, он поражен, насколько созвучны эти слова его собственным недавним мыслям. Так, значит, старик пытался бороться!

– Но потом, через какое-то время, все это теряет значение. Большинство клиентов тебя ненавидит – ведь ты часть той самой системы, которая взяла их за горло. И судят их чаще всего действительно за дело. А нагрузка... – Снова хриплый смех, на этот раз кажется, что в легких дяди Тома действительно что-то рвется. – В конце концов тебя охватывает безразличие. Все, что сделал ты, сделал бы и кто-нибудь другой. Сделал бы обязательно, и ничем не хуже тебя. Нужно было мне пойти в юристы по налогообложению, в консультанты по инвестициям. Тогда у меня были бы сейчас деньги, вилла в каком-нибудь приличном месте. Личная сестра для ухода, секретарь...

Джим зябко поежился. Да, дядя Том прекрасно понимает, где и в каких условиях он живет. А кому же еще и понимать? Только отчаяние заставляет всех этих обитателей психического отделения, всех этих «О» и «Q»...

– Но ведь ты сумел сделать что-то хорошее, конечно же, сумел! – И уже с сомнением: – Ты спасал людей от тюрьмы, и они были тебе за это благодарны...

– Может, и так. – И опять этот треск. – Вот помню... Мне дали этого русского иммигранта, который двух слов не мог связать по-английски. Приехал в Штаты что-то за месяц до того или за два. Истосковался, видно, в одиночестве и забрел в один из порнотеатриков Санта-Аны. А в то время полиция как раз пыталась прикрыть подобные заведения. Они сделали облаву и похватали всех, кто не сумел смыться, в том числе и моего русского. Предъявили ему обвинение в публичном нарушении приличий – будто бы этот несчастный сукин сын там мастурбировал. Не больше и не меньше. Когда я увидел его впервые, парень был перепуган до смерти, ведь он привык к советской системе, а там если уж тебя арестовали, то не выкрутишься. Суд подтвердит самое дикое обвинение. Кроме того, он не очень-то и понимал, в чем именно состоит обвинение, а оттого дрожал еще пуще. Так что я вынес дело на судебное заседание и разнес помощника окружного прокурора вместе с его обвинением в капусту. Да это обвинение и с самого начала было дерьмом собачьим – ну каким, спрашивается, образом можно доказать такую штуку? Судья прекратил дело за отсутствием факта, и ты бы посмотрел на лицо этого русского, когда его освобождали из-под стражи... – Сухой треск. – Да, в этом болоте стоило, пожалуй, побарахтаться – несколько дней. Но и только.

– А что... – Джима больше всего волнуют собственные проблемы, собственный выбор. – А что бы ты сделал сегодня? То есть, дядя Том, если бы ты снова хотел бороться с несправедливостью, с людьми, которые всем заправляют, – что бы ты тогда делал?

– Не знаю. Я не вижу никакого осмысленного пути. Преподавал бы, наверное. Только ведь и это бесполезно. А может, стал бы писать. Или занимался той же юриспруденцией, но на более высоком уровне. Чтобы каким-нибудь образом влиять на сами законы. Ведь все дело, Джим, именно в этом, в пирамиде привилегий и эксплуатации, которая опирается на законы нашей страны. Именно ее нужно переделывать.

– Но как? Ты смог бы заняться активной борьбой? Ну, вроде как... выйти ночью и взорвать оружейный завод, или еще что-нибудь такое?

Живые, блестящие глаза дяди Тома снова смотрят в окно, на небо. Как и обычно, вспоминая прошлые свои горечи и обиды, он взбодрился, даже помолодел.

– Конечно, если бы имел уверенность, что никто при этом не пострадает. Никто, – рвущаяся бумага, – включая и меня самого! Вечные либеральные предрассудки, они, пожалуй, и были главной моей бедой. Но вообще говоря – да. Одной-двумя такими акциями, конечно же, не обойдешься, их потребовалось бы очень много. Но ведь нужно каким-то образом остановить этих идиотов. Они же вытягивают из мира последние соки – и все для продолжения своих игр.

Джим молча кивает. Разговор переходит на родителей Джима, ассоциация вполне прозрачная, хотя никто не упоминал о характере работы Денниса. Потом Джим немного рассказывает о своей работе, о друзьях; постепенно глаза дяди Тома начинают тускнеть. Он заметно устал – весь обмяк, обвис, говорит хрипло, с трудом. В который раз Джим осознает, что этот разум, этот острый живой разум заперт в ветхом, на глазах расплывающемся теле, которое держится исключительно на кислороде и лекарствах. В теле, которое время от времени отравляет разум, притупляет его остроту... Костлявые руки цепляются за простыню, ползут по ней, словно два краба; коричневая, пятнистая кожа, пальцы, навечно скрюченные распухшими суставами... Как же ему больно! И эта боль не утихает ни на секунду, стала частью его жизни!

Подобные вещи Джим представляет себе весьма умозрительно, так что мысль о страданиях дяди Тома задерживается в его голове недолго. Да и вообще пора идти.

– Дядя Том, расскажи мне еще что-нибудь об округе Ориндж, а потом я пойду.

Дядя Том смотрит на него невидящими, незнающими глазами; Джим зябко ежится. Глаза снова фокусируются. Дядя Том поворачивается к окну:

– У мыса Дана, там, где потом построили пристань, под обрывом был прекрасный пляж. Туда мало кто ходил. С обрыва спускалась старая, разболтанная деревянная лестница, другой дороги на пляж не было. Многие ступеньки повываливались, с каждым годом лазать по этой лестнице становилось опаснее и опаснее. И все-таки мы по ней лазали. Идти нужно было сразу после сильного шторма. Волны обдирали с пляжа песок, промывали его и швыряли обратно. И в этом песке попадались крохотные кусочки цветных камней. Мы называли его «самоцветный песок». Не знаю уж, действительно ли это были осколки сапфиров, рубинов, изумрудов, но выглядели они похоже, и мы их так называли. И не подумай, что стекляшки, – самые настоящие камни. Нужно было идти по пляжу очень медленно и всматриваться, а потом вдруг видишь цветную вспышку, зеленую, красную, голубую – яркую, отчетливо различимую на фоне мокрого песка. За день удавалось набрать крохотную горсточку, а если потом положить их в банку с водой... У меня была такая банка. Интересно, что с ней случилось потом? А что случается потом со всеми твоими вещами? Со всеми людьми, которых ты знал? Но я точно знаю, что сам бы ее никогда не выкинул...

Дядя Том впадает в задумчивость, а затем в сон, очень беспокойный, – так вздрагивает и мечется, что кислородная трубка чуть не передавливает ему горло. Джим, слушавший историю про самоцветный песок далеко не в первый раз, передвигает трубку в сторону, расправляет, сколько может, простыни и уходит в настроении еще более тоскливом, чем раньше. Какое

же тут было когда-то место! А человек, отдельная, ни на какую другую не похожая личность, целая жизнь. Бессмысленно цепляющийся теперь за жалкие остатки этой жизни. И какое тут кошмарное заведение – тюрьма для стариков, настоящий концлагерь! Все это просто ужасно. Нужно приходить сюда почаще, дяде Тому нужна компания. К тому же он – источник исторической информации, без всяких шуток, самый настоящий источник.

Но, выезжая на пятый, он начисто все это забывает. Дело в том, что визиты к дяде Тому неизменно действуют на Джима угнетающе, поэтому он каждый раз спешит выкинуть неприятные мысли из головы и приходит сюда только при самой уж крайней необходимости.

Теперь – к родителям, ужинать. А потом еще этих учить. Да уж, денек получается – врагу не пожелаешь.

13

Джим ушел, а дядя Том продолжил свой рассказ – мысленно, сам себе, но вроде как и Джиму.

Ребенком я играл в апельсиновых рощах. Когда живешь на улице, концом своим упирающейся в огромную, почти бесконечную апельсиновую рощу, гулять тебе позволяют сколько угодно и когда угодно. Лучшее время было после полудня, но не совсем еще вечером, когда жарко и весь мир словно пропитан сонной одурью. Почему-то всегда было солнечно, я совсем не помню пасмурных дней.

Землю между деревьями расчищали – тщательно, не оставляя ни единой травинки. Вокруг каждого дерева была кольцевая ирригационная канава поперечником футов, наверное, в тридцать, отчего рощи выглядели немного странно. И симметричная планировка – она тоже производила странное впечатление. Каждое дерево занимало точно ему определенное место в ряду и в шеренге, и в двух диагоналях – насколько хватал глаз, все эти линии оставались безукоризненно прямыми. Симметричными были и сами деревья, формой похожие на оливы и состоящие из маленьких зеленых листиков и маленьких перекрученных веток.

Апельсины там были почти всегда – деревья цвели и приносили урожай два раза в год, и большая часть года приходилась на вызревание. Поначалу маленькие и зеленые, апельсины становились постепенно желто-зелеными, желтыми и приобретали наконец оранжевый цвет, по мере созревания темневший; затем апельсины, если никто их до этого не сорвал, темнели до коричневато-оранжевого оттенка, потом становились совсем коричневыми и сухими, маленькими и твердыми, затем – серовато-коричневыми и наконец обращались в землю, из которой вышли. Но по большей части их собирали.

Мы кидались апельсинами друг в друга – вроде как снежками, заранее слепленными и готовыми к употреблению. Мягкие, перезревшие расшибались при ударе в ошметки, и пахло от них плохо, а когда в тебя попадали зелеными, твердыми, было немного больно. Мы устраивали целые войны, швырялись апельсинами и уворачивались, и это было немного похоже на немецкую игру, в которую мы играли в школе и в которой тебя стараются запятнать мячиком. И никто особенно не боялся, что в него попадут, – разве что последующих объяснений с матерью по поводу пятна на рубашке или синяка. Очень веселая получалась война и немного странная. Иногда я думаю – а не попал ли кто-нибудь из наших мальчишек потом во Вьетнам? Если да, они были плохо подготовлены к той войне.

А еще мы ходили в те самые рощи с луками, пытались стрелять кроликов. Их там была целая пропасть, и как же здорово они бегали. Нам никогда не удавалось подобраться к кроликам достаточно близко для хорошего выстрела – и слава богу, как я теперь думаю, – так что приходилось довольствоваться стрельбой по апельсинам. Идеальные мишени – попасть очень трудно, но зато сколько радости, когда это получается. Апельсин раскалывался и отлетал в сторону, а иногда так и оставался висеть на ветке с торчащей в нем стрелой, и это было здорово.

А когда мы ели апельсины, то выбирали исключительно самые лучшие. Едкий зеленоватый сок, выступающий на кожуре, когда ее снимаешь, белые мягкие лохмотья с оборота этой кожуры, резкий, ароматный запах, дольки – идеально закругленные, серповидные дольки... странно это все. Их вкус всегда казался мне каким-то не совсем реальным.

Я проводил в рощах уйму времени – брал лук и стрелы и слонялся в пыльной, жаркой тишине. И говорил сам с собой. Это был мой, ни с кем не разделенный мир.

Потом рощи начали сводить, и, как ни странно, я не помню, чтобы нас это особенно волновало. Ведь никому и в голову не могло прийти, что сведут все рощи. Мы играли в ямах и среди штабелей срубленных деревьев, это было необычно и потому интересно. А на строительных площадках – среди только что поставленных фундаментов и за какие-то часы возведенных каркасов – играть было вообще великолепно. Мы качались на балках, проверяли, размягчается ли свежесложенный бетон, если к нему поднести пламя свечки, прыгали с крыш в кучи песка, а один раз Роберт Келлер наступил на торчавший из доски гвоздь. Сплошное, одним словом, веселье.

А потом, когда все здания были построены, когда поставили заборы и провели дороги, тогда... ну, тогда место стало совсем другим, и тут уж веселья особого не было.

Но и мы к тому времени не были уже детьми, и нам было почти все равно.

14

Услышав новость – прямо из Нью-Йорка, от президента ЛСР Дональда Херефорда, – Стюарт Лемон не поверил своим ушам. Сбылись худшие его предчувствия, и сбылись они самым ужасным образом. Разговаривая по телефону, он был вынужден держаться спокойно – не выказывая особого негодования, заверил Херефорда, что все находится под контролем, что контракт практически обеспечен. Но в действительности резкий, ледяной голос, задававший неприятные вопросы, вызвал у Лемона ужас; повесив трубку и оставшись в полном одиночестве, он дал выход и своему ужасу и своей ярости – заперся в кабинете, отключил все коммуникационные системы и впал в бешенство. Он пинал стол и стулья, швырял чем попало в стены, лупил кулаками по мягкой обшивке своего вращающегося кресла; в конце концов страх и ярость немного притупились.

Тяжело дыша, Лемон осмотрел кабинет, а затем со всей возможной тщательностью привел его в порядок. Ярость оставалась, но прошло хотя бы физическое ощущение, что он сейчас взорвется, – самым буквальным образом. Нет, думал он, все-таки нагрузки, связанные с этой работой, не по моему здоровью, тут или язву получишь, или инфаркт, вопрос только один – что скорее. Лемон проглотил таблетку тагамета, таблетку минипресса, затем включил интерком и спросил – самым спокойным голосом:

– Узнай, пожалуйста, вернулся ли Макферсон.

– Сейчас, сейчас, я проверю... – Конечно же, Рамоне прекрасно известно: такой вот мертвенно-спокойный голос шефа – верное свидетельство крайней его ярости. Тем лучше, Лемон этому даже рад. – Да, он только что вошел.

– Пусть сию же секунду придет ко мне.

В действительности Макферсон явился минут через пятнадцать или даже двадцать. Инженер явно оскорблен и проявляет это в обычной своей сверхсдержанной манере: плотно сжатые губы, злые, в упор глядящие глаза. Это он злится? Лемон встает, в нем опять все кипит.

– Я ведь просил вас поторопиться с программой «Оса», – почти кричит он. – А вам, видите ли, было непонятно, с чего это такая страшная спешка, ведь крайнего срока никто не ставил, а вот теперь я объясню вам, зачем была нужна такая страшная спешка.

От неожиданности Макферсон вздрогнул, болезненно сморщился, но тут же его лицо окаменело, утратило всякое выражение. Ну да, обычная твоя реакция, с ненавистью думал Лемон. В раковину спрятался? Ничего, мы ее быстренько расколем.

– Вы хоть знаете, что эту самую вашу сверхчерную программу сделали белой? Если бы мы послали предложение тогда, когда я хотел, Пентагон не смог бы отколоть такого номера. Так нет же, вам обязательно нужно было тянуть резину. В результате программа стала белой, объявили конкурс, в котором сможет участвовать каждый встречный и поперечный.

Да, вот это его сразу достало – вон как побледнел.

– Когда вы узнали? – Макферсон говорит с видимым трудом, едва ворочая челюстью.

– Только что! Я все-таки шевелюсь на работе, в отличие от некоторых. Только что был звонок из Нью-Йорка, звонил сам Херефорд.

– Но... Что же случилось? Почему? – Ну, этот красавец точно в шоке, иначе не снизошел бы до таких вопросов.

– Почему? Вы хотите знать почему? Да потому, что вы испоганили все своей долбаной медлительностью, вот почему! – Кулак Лемона с грохотом опустил на стол. – С вашего соизволения, Макферсон, я попытаюсь еще раз объяснить вам, что такое военно-воздушные силы. Эти генералы и полковники любят деловой подход, результаты. Терпения у них – круглый ноль, и если они просят о чем-то, так ты хоть в лепешку расшибись, а вынь да положь. Иначе они поищут в каком-нибудь другом месте. А вы заставили их ждать. Господи боже, да ведь прошло уже четыре месяца, целых четыре месяца! А каков итог? В пятницу на страницах «Коммершиал бизнес дейли» появится запрос на предложения по контракту «Оса», после чего мы станем рядовыми участниками конкурса. Имей Пентагон наше предложение вовремя, он скорее всего принял бы его, и ничего подобного просто не могло бы случиться. Ну а теперь нас поставили раком! – Кулак снова громыхнул по столу. – Мы оказались там же, где были в самом начале!

Лемон намеренно доводил себя до иступления – с целями, пожалуй, терапевтического характера. Нужно же как-то снять невыносимое напряжение. Но и Макферсон тоже утратил все свое знаменитое спокойствие. Гляди, как парень взъярился, он бы поосторожнее зубы стискивал, ведь так и поломать их недолго. Будь он нормальным человеком, покричали бы друг на друга, отлегло бы немного, а там, глядишь, и успокоились бы, выпили на пару, придумали бы какой-нибудь способ выбраться из этой задницы. И напрочь забыли бы все нехорошее, сказанное сгоряча. Да разве с Макферсоном такое получится? Нет, ему же обязательно нужно копить все внутри, чтобы накопленная злоба превращалась в ненависть, ненависть ко мне.

Лемону кажется, что он прямо видит эту ненависть, видит так же отчетливо, как лицо Макферсона, – и приходит в еще большее бешенство. Он ненавидит это высокомерное молчание – добро бы дело касалось его самого, но ведь тут страдают интересы фирмы.

– Убирайтесь отсюда, – с отвращением говорит Лемон, показывая рукой на дверь. – Смотреть я на вас не могу.

– Насколько я понимаю, мы участвуем в этом конкурсе?

– Да! Господи Иисусе, неужели же вы думаете, что я позволю, чтобы такая большая работа пошла псу под хвост? Приведите материалы в пристойный вид, составьте предложение – и сделайте это быстро! Вы понимаете, что такое быстро? Как прошло испытание, успешно?

– Да.

– Прекрасно. Ваше предложение поступит в конкурсную комиссию первым. При том заделе, который у нас есть, наше предложение должно оказаться значительно лучше остальных.

– Пожалуй.

– Не пожалуй, а обязательно. Послушайте, Макферсон, ведь сейчас на кону стоит собственная ваша задница. После всех этих последних историй я бы очень советовал вам выиграть конкурс по «Осе». Очень бы советовал.

Инженера буквально вынесло из кабинета. Вон как прощается, робот проклятый, едва головой кивнул. Странно, думает Лемон, и чего это я терплю эту куклу надутую. Это же совсем не в моем стиле, я не могу работать с подобными типами. Ладно, это – последний шанс Макферсона, мы слишком долго смотрели сквозь пальцы на его дилетантскую страсть вылизывать всякие несуществующие мелочи, а история с «Осой» не лезет уже ни в какие ворота. Мстительно ухмыльнувшись, он стукнул по клавише интеркома.

– Рамона, свяжись с Деннисом Макферсоном. Передай ему, что кроме руководства работами по программе «Оса»... нет, руководства составлением предложения по программе «Оса», на него возлагается совместное с Дэном Хьюстоном руководство программой «Шаровая молния». Скажи Макферсону, что он должен оказывать Хьюстону всю необходимую помощь, но главным в программе так и остается Дэн.

Вот теперь этот ублюдок почешется.

15

Дорога, по которой ехал Джим, начала взбираться на Ред-Хиллз; первая возвышенность на краю обширной равнины, занимающей большую часть округа, этот холмик казался передовым дозорным, которого выслали столпившиеся позади него горы. Джим читал в книгах, что когда-то, еще в двадцатые годы прошлого века, здесь была шахта, ртутная шахта Ред-Хиллз; шахту закрыли, но отвалы пустой породы сохранились на многие десятилетия. А красноватый цвет покрывающей холм почвы объясняется высоким содержанием киновари.

Дома все как всегда. Деннис вернулся с работы и сразу пошел в гараж – копаться в моторе, который, как и вся его машина, и так находится в идеальном, словно только что из магазина, состоянии. Поздоровавшись с отцом и не получив никакого ответа, Джим поплелся на кухню, где Люси готовила ужин. Очень скоро он оказался в курсе последних церковных событий: священник все еще не пришел в себя после недавней смерти жены, новый vikarий продолжает допекать старых, заслуженных прихожан, Люси так и занимается канцелярскими делами прихода, а последнее время ей помогает в этом Лириан Кейлбахер.

Затем он услышал, как живут подруги Люси, а чуть попозже – о работе Денниса. Никаких иных способов узнать об отцовских делах у Джима нет, Деннис считает его – и вполне справедливо считает – псевдорадикальным пацифистом, сентиментально осуждающим производство оружия. Но и сама Люси – по сходным, очевидно, причинам – знает весьма немного; сбивчивый рассказ, который выслушивает Джим, состоит по большей части из ее собственных догадок и предположений, основанных на обрывках фраз Денниса; с работы отец приходит злой и неразговорчивый – вот, собственно, и вся реальная информация.

– Он ненавидит своего начальника Лемона, – огорченно говорит Люси. Это ей не нравится, это не по-христиански, это вредит здоровью Денниса, это вредит его карьере. – Он даже не пытается его понять, а нужно бы. Ведь этот человек – совсем не какой-нибудь там дьявол во плоти или еще что. У него, наверное, тоже есть какие-нибудь свои неприятности.

– Не знаю, – качает головой Джим. – Бывают люди, с которыми просто невозможно иметь дело.

– Все дело в том, как ты сам к этому относишься, – огорченно вздыхает Люси. – Деннису стоило бы придумать себе какое-нибудь хобби, что-нибудь такое, что отвлекало бы его мысли от работы.

– Так у него есть машина, верно? Вот тебе и хобби.

– Да, конечно, только ведь это почти то же самое, что и на работе. Там он заставляет работать один механизм, а тут другой.

Едва Джим приступил к изложению хроники собственной своей жизни за прошедшую неделю (с большими, естественно, цензурными изъятиями), как из гаража вернулся отец. Когда

Деннис умылся, Люси подала салат и запеканку; все сели за стол, и она прочитала молитву. Деннис быстро, молча поел, встал и снова пошел в гараж.

– Как там Шейла? – спросила Люси, направляясь к раковине со стопкой тарелок.

– Ну, понимаешь... – Джим почувствовал себя виноватым, он не только не видел за это время Шейлу, но даже почти о ней не вспоминал. – Мы сейчас как-то редко встречаемся.

Люси неодобрительно поцокала языком; у нее ко всей этой истории двойственное отношение. Шейла – не христианка. Хорошо бы Джиму остановить свой выбор на какой-нибудь порядочной христианской девушке, может быть, – даже жениться; среди прихожанок церкви есть вполне подходящие кандидатки. С другой стороны, Люси видела Шейлу. Шейла ей понравилась, а реальное – оно всегда значит больше, чем любые теории и мечтания.

– А что у вас такое?

– Да как тебе сказать... Мы вроде как не в одной колее, – повторяет Джим одну из любимых фраз матери.

– Шейла хорошая девушка, – качает головой Люси. – Мне она нравится. Тебе нужно зайти к ней и поговорить. Вы должны общаться.

Святой принцип Люси – беседой можно исправить все, что угодно. Будь Деннис поразговорчивее, думает Джим, она быстро бы отказалась от этого принципа, поняла бы, как далек он от реальности.

– Да, я к ней забегу. – Ведь и правда нужно забежать. Нужно сказать Шейле, что он, как бы это выразиться, встречается с другими людьми. Трудный получится разговорчик, это еще мягко говоря. Поэтому мозг Джима сию же секунду деловито принимается забывать отважное решение. Шейла и сама все поймет. – Обязательно забегу.

– А к Тому ты ходил?

– Да.

– И как он там?

– Примерно, как и раньше.

– Лучше бы ему жить с нами, – вздыхает Люси.

– Ну и куда бы вы его положили? – с сомнением спрашивает Джим. – И кто бы за ним ухаживал?

– Я это все понимаю. – Подбородок Люси начинает чуть подрагивать, и Джим неожиданно осознает, насколько она расстроена. Вот только чем? – Понимаю, но все равно это неправильно, плохо.

Может, и неправильно.

– Я постараюсь ходить к нему почаще. – Это обещание начинает забываться с такой же скоростью, как и предыдущее.

– На этой неделе Деннис снова летит в Вашингтон.

– Что-то он в этом году туда зачастил.

– Да.

Люси все еще не может успокоиться после разговора о дяде Томе, она закидывает тарелки в посудомойку почти не глядя. Джиму не хочется спрашивать, в чем дело, обязательно ведь мать расплатится, а потом ее успокаивай. Он делает вид, что ничего не замечает, и с преувеличенной жизнерадостностью рассказывает, как прошла неделя, какие книги читал, что рассказывал учащимся на уроках, и видит, что Люси понемногу берет себя в руки. Что она, с Деннисом, что ли, поссорилась? Ну, в отношении родителей лучше не лезть. Джим почти ничего об этих отношениях не знает и ровно ничего в них не понимает. Да, собственно, и не хочет знать и понимать – так спокойнее.

С посудой покончено, разговор тем временем становится обрывочным, бессвязным.

– Что ты сказала? – переспрашивает Джим, задумавшийся о своих делах.

– Джим, ты меня не слушаешь. – Смертный грех по понятиям этого дома. Смертный и – увы – в этом же доме весьма распространенный.

– Прости, пожалуйста, – пробормотал Джим, но тут же на глаза ему попал крупный газетный заголовок. – Просто невероятно, в Индии снова голод.

– Да? А что там пишут?

– Все то же самое. Третий большой голод в Азии за один этот год, еще миллион умерших. А вот это, ты на это посмотри! Столкновение в Мозамбике, убиты сто человек! – Из кухонного окна открывается вид на базу морской пехоты. Эль-Торо, большая база. Два огромных ангара, около них, словно пчелы вокруг улья, кружат вертолеты, некоторые садятся, вместо них взлетают другие.

– Им нужно научиться говорить.

Джим молча кивает, все его внимание поглощено второй заметкой. Затем он откладывает газету и встает.

– Ну, я пошел. А то еще опоздаю на урок.

– Иди. Только не забывай, пожалуйста, почаще ходить к Тому. – Люси говорит очень серьезно, настойчиво, даже укоризненно. Да что же это с ней такое? Никак не успокоится.

– Не забуду, но ведь я был у него сегодня. Теперь съезжу в следующий четверг.

– Лучше бы во вторник.

Джим плетется в гараж. За весь вечер он так и не заметил ничего особенного в напряженном, взрывном молчании Денниса. Молчит себе и молчит. Джим давно привык к неразговорчивости отца.

– Кхе-кхе. – Деннис оставляет разноцветные провода, опутывающие двигательный блок машины, и глядит на неловко переминающегося сына. – Э-э, папа, у моей машины что-то непонятное с подачей энергии.

Деннис сдвинул очки на лоб и меряет Джима тяжелым взглядом.

– А как она берет с места? – спрашивает он после долгой паузы.

– Да тоже не слишком хорошо.

– Когда ты чистил контакты энергоприемника?

– Ну-у...

Не скрывая раздражения, Деннис хватая инструменты и ветошь, выходит из гаража и направляется к машине Джима. В ярком свете уличного фонаря старенький «Вольво» выглядит особенно грязным, неухоженным. Деннис молча открывает капот и лезет в двигательный отсек, чтобы поднять держатель контактных щеток. И как же мне обрыдло возиться с твоей машиной, красноречиво говорит его согнутая спина.

– Вот, посмотри! Они же буквально заросли дерьмом! – Щетки, забирающие энергию из медной путевой дорожки, сплошь покрыты черной маслянистой пленкой. – Давай приводи их в порядок.

Джим берется за дело, он неумело возится с отверткой, отвертка соскакивает и пропахивает на поверхности одной из щеток блестящую бороздку; совсем рядом с левым глазом Денниса пролетает увесистый комок липкой грязи.

– Да осторожнее, ты же их изуродуешь. – Деннис отодвигает сына в сторону. – Посмотри, как я это делаю.

Джим смотрит, впадая во все большую тоску. Руки Денниса работают быстро, уверенно, экономно; через несколько минут каждая щетка сияет тусклой медью.

– Только ты ведь опять запустишь все это к чертовой матери. – Деннис безнадежно машет в сторону раскрытого капота.

– Нет, папа, – слабо протестует Джим. Он знает, что после стольких лет неумелого и наплевательского обращения с машиной вряд ли удастся убедить Денниса в своей искренности и заинтересованности. Все это, конечно же, интересно – в чисто теоретическом плане.

Силы энтропии, сопротивление неуклонному ее натиску, великолепная метафора для описания социума и т. д. Но только закрыт капот, и уже через десять секунд все физические подробности бледнеют, куда-то испаряются, описывающие их слова звучат непонятной тарабарщиной, и Джим возвращается к обычному своему состоянию полной технической неграмотности, так ничего и не почерпнув из урока. «Странно, ведь память у меня хорошая, может, все это мне и вправду неинтересно?»

– Так ты ищешь себе другую работу? – с той же безнадежностью спрашивает Деннис.

– Да, конечно, все время ищу.

По лицу Денниса скользит гримаса отвращения.

– А ты знаешь, что я так и плачу страховку за эту машину? – спрашивает он, собирая инструменты. – Это ты знаешь?

– Да, знаю! – Джим болезненно морщится, факт действительно постыдный. В таком возрасте сидеть на шее у родителей. Не уметь даже заработать себе на жизнь. Но раскаяние раскаянием, а презрение, горящее в глазах отца, заставляет Джима ошетиниться: – Очень тебе благодарен, но дальше я буду платить сам, начиная со следующего взноса.

А кто мешал ему платить раньше? Вот это уже доводит Денниса до белого каления.

– Ничего ты не будешь. – Слова звучат резко, почти оскорбительно. – По закону каждый водитель обязан иметь страховку, а тебе ее не потянуть. Если я понадеюсь на тебя, а ты пропустишь взнос и вляпаешься в аварию, кто тогда будет платить по счетам, ты, что ли?

– Ничего бы я не пропустил! – хмурится Джим; он искренне возмущен, что отец мог даже предположить такое.

– А вот я в этом не уверен.

Джим поворачивается, идет прочь, делает круг и возвращается. Ему стыдно, ему очень обидно, он в полной ярости. Но сказать-то ему нечего. А если он к тому же не выдержит и разревется...

– Я никогда такого не делаю! – кричит он. – Я выполняю все свои обязательства!

– Черта с два ты выполняешь, – машет рукой Деннис. – Ты и себя-то прокормить не можешь. А это что, не входит в твои обязанности? Почему ты не найдешь такую работу, которая позволила бы тебе платить по всем своим счетам? Или хотя бы не научишься соизмерять свои расходы с доходами? Ведь ты же не станешь утверждать, что не тратишь ничего из своего заработка на развлечения?

– Не стану!

– Вот так и получается, что я вынужден платить по счетам двадцатисемилетнего оболтуса!

– А мне и не надо, чтобы ты по ним платил! Обрыдло мне это!

– Надо же – тебе обрыдло! Прекрасно, больше я не буду, на том и порешим. Но тогда тебе тем более нужна приличная работа.

– Да я же ищу! И обе мои работы тоже приличные!

Какую-то секунду кажется, что отец его ударит, Деннис даже перекладывает инструменты в левую руку – мгновенно, не раздумывая... Но тут же застывает, хмурится, резко поворачивается и уходит в дом. Джим прыгает в машину и уезжает, ничего не видя вокруг и дико, отчаянно ругаясь.

Смех один, думает Деннис; он слышит, как машина Джима щелкнула контактами, выходя на дорожку, и с тихим, благопристойным гудением удалилась. Ну прямо курам на смех. Вот как уезжал бы от родительского порога такой вот сыночек, поцапавшись со своим папашей,

раньше, когда-то? Семь тысяч оборотов, покрышки горят, рев – ушам больно. А теперь – такой вот жалкий писк, ни на что большее они не способны.

– Это что, Джим? – спросила Люси. – А почему он не попрощался?

Иди ты к черту со своими вопросами. Деннис молча садится и включает видеостену.

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы с ним не ссорились. – Люси говорит негромко, но решительно. – Ты же знаешь, как сейчас трудно найти место. Половина парней его возраста вообще не имеет работы.

– Ничего подобного.

Деннис приходит в еще большую, чем прежде, ярость. Вот теперь и Люси расстроилась. Мне самому, что ли, нравится лаяться со своим сыночком, и чтобы он потом срывался и уезжал, да еще и с обидой и чуть ли не с ненавистью. Кому же это понравится? А что я мог поделаться? После такого денечка, как сегодняшний... Вспомнив о работе, Деннис впадает в еще большую тоску. Великолепное, на редкость удачное испытание, и тут же все идет наперекосяк. Вместо верного, обеспеченного контракта – снова неопределенность открытого конкурса... Да еще этот Лемон скандал устроил... «Кошмарный день. И я не хочу об этом говорить».

Через некоторое время Деннис встает и выключает стену; собственно говоря, он даже не знает, что там показывали, вроде бы следил глазами за изображением, но ничего не видел. Он подходит к стеклянной двери и смотрит сквозь свое отражение на горящие окна домов, облепивших Сайтрес-Хейтс, на переброшенный через равнину виадук футхиллской трассы, на фары и задние огни бегущих по нему машин. Везде люди, люди. Хорошо бы выйти на воздух, посидеть в маленьком заднем дворике, но дворик этот, вместе со второй половиной дома, принадлежит семье Аурелиано. Им бы, конечно, все равно, но не все равно самому Деннису.

Он начинает думать о своем участке – в Северной Калифорнии, на побережье, рядом с Эврикой. Причудливые, искривленные ветром сосны, скалистый склон, уходящий прямо в море. Десять лет назад они купили эти пять акров, как капиталовложение, а потом Деннис даже решил, что построит когда-нибудь здесь дом и в нем поселится.

– Иногда мне хочется послать все к чертовой матери, – говорит он вслух, – и переехать на участок. А работа, в таких местах тоже найдется какая-нибудь работа.

Строить своими собственными руками, делать нечто осязаемое, видеть, как день ото дня твое творение все больше обретает форму... Да, хорошо бы заняться такой работой, работой, разительно отличающейся от абстрактных, раздробленных на мелкие кусочки задач, которые он решает для ЛСР.

– Да, – осторожно поддерживает его Люси.

Знакомые интонации, именно так она говорит, когда не согласна с Деннисом, но не хочет вступать в препирательства. Давно уже выяснено, что Люси ни в какую не желает переезжать на север, ведь тогда ей придется бросить и всех своих подруг, и церковь, и работу... Деннис хмурится. Да он, собственно, и сам знает, что это все пустые мечты.

– А как ты думаешь, – спрашивает Люси, – выросли там деревья?

Не успели Макферсоны купить землю, как в окрестностях Эврики случился лесной пожар; выгорело несколько сотен акров, в том числе и весь их участок. Во время отпуска они съездили посмотреть, земля была черная, без единой травинки. Вид ужасный, но местные объяснили, что за несколько лет все придет в норму.

– Не знаю, – раздраженно отмахивается Деннис. У него есть подозрение, что пожар интесует Люси с одной-единственной стороны: из-за него все возможности переезда отодвигаются в неопределенное будущее. – Хотя, если подумать, почти наверняка выросли. Конечно же, деревья еще низенькие, но это не страшно. После таких историй земля оправляется быстро, они – часть естественного цикла.

– Естественного, если не считать, что пожар этот устроили какие-то ребята, ведь так говорили местные?

Деннис молчит. Через несколько минут он вздохнул и ответил наконец на единственный, как ему кажется, волнующий Люси вопрос:

– Что там говорить, все равно мы не можем сейчас переехать.

Его мрачное настроение тяжелым комом оседает где-то в нижней части желудка. Скотина Лемон. Макферсону мутрно, он понимает, что сорвал часть вызванной Лемоном злости на сыне; ясное дело, этот идиот вполне заслужил выволочку, но все равно... И какое у него было лицо...

Господи, да что же это за день такой.

– А что сказал Джим, он ищет работу?

– Я не хочу говорить об этом.

17

Таши Накамура пришел тик-в-тик к началу урока. Интерес Таши к писательскому мастерству минимален, но сохранение курса, который читает Джим, в программе колледжа зависит от числа слушателей, а в начале семестра создалось впечатление, что слушателей этих не хватит. Вот Таши и записался. Типичный для него поступок; есть в Таши какая-то широта, щедрость, хотя мало кто об этом догадывается из-за его застенчивости и бедности.

Десять минут как должен был начаться урок, а преподавателя нет. В тот самый момент, когда уставшие ждать студенты решили разойтись, появляется Джим – весь красный, с плотно сжатым ртом, явно чем-то расстроенный. Он бросает свою папку на стол и некоторое время молчит.

Взяв наконец себя в руки и обреченно вздохнув, он начинает монотонно бубнить правила использования запятой. Джим и так далеко не блестящий лектор, а уж сегодня его объяснения бьют все рекорды сбивчивости и невразумительности. Неожиданно Джим оставляет грамматику и переходит к одному из своих любимых исторических экскурсов:

– Вот так и вышло, что ранчо Ирвина, бывшее первоначально в нашем округе главным бастионом борьбы за сохранение окружающей среды, оказалось в руках корпорации, которая распродала всю землю застройщикам, которые, в свою очередь, превратили его в точную копию северной части Оринджа. Не испытывая к земле и тени уважения, ничему не наученные печальными уроками прошлого, они сровняли все холмы, сделали местность плоской, как стол.

И все это происходило в то самое время, когда на орбиту выводились станции противоракетной защиты, поэтому находившаяся на невиданном подъеме оружейная промышленность наложила свою лапу на значительную часть этой земли, усилила свое влияние в нашем округе – влияние, которое и прежде было доминирующим.

В недоуменно моргающих глазах учеников – ни малейшей искорки интереса, более того – аудитория, похоже, готова взбунтоваться. Почти все присутствующие записались на этот курс, чтобы хоть как-нибудь осилить письменный тест по английскому языку, без которого не получить аттестат об окончании Трабуко, поэтому их раздражают вечные отступления Джима от темы. Он что, не соображает, что ли, как это трудно учиться писать, даже и без этих заморочек?

– Послушайте, мистер Макферсон, – прерывает Джима один из слушателей. – Я так и не имею ни малейшего представления, когда нужно писать «какой», а когда «который» и что там такое делается с запятыми. – Парень настроен агрессивно.

Растерянный и явно озабоченный какими-то своими – Таш и не пробует угадать, какими именно, – проблемами, Джим пытается продолжить прерванное объяснение и превращает его в полную уже неразбериху. В аудитории зреет открытый мятеж. Четкие правила и определения – далеко не самое сильное место Джима, он скорее способен передать смысл, общий дух вопроса, но этим ребятам хочется, чтобы все было разложено по полочкам.

Чувствуя настроение учеников, Джим беспомощно замолкает; всеобщее негодование близится к критической отметке.

Зловещую тишину нарушает Таши:

– Я вас тогда спрашивал, и вы сказали, что вопросительное местоимение «какой» имеет качественный характер, а вопросительное местоимение «который» – количественный. Полагается говорить и писать «который раз ты сюда пришел?», а не «какой раз» и, наоборот, «какой цвет тебе нравится?», а не «который цвет». А еще вы сказали, что в роли относительного местоимения оба эти слова подчиняют придаточные предложения, но относительное местоимение «который» вдобавок заменяет в придаточном предложении слово, находящееся в главном. И привели примеры: с одной стороны – «Не знаю уж, какую книгу тебе дать», а с другой – «Книга, которую ты мне дал, куда-то потерялась». А запятые тут используются для выделения придаточного предложения.

Назревавший бунт благополучно угас, ученики удовлетворенно кивают, Джим облегченно вздохнул, начал писать на доске – и тут же сломал мел пополам. Господи, да что же это с ним такое? Ну точно он не в себе.

– Вот так вы мне тогда и объяснили, – добавляет для верности Таши и начинает переписывать примеры с доски в тетрадку.

Урок окончен. Не успел Таши встать из-за стола, как Джим подхватил свои манатки и пулей вылетел из класса. Так расстроен, что не хочет даже и разговаривать! А вот это уже необычно до крайности.

Покидая железобетонную нелепицу, нависшую над аройо¹⁴ Трабуко и теснящимися в нем домами, Таши сокрушенно качает головой. Жаль, что не поговорили. Ладно, может быть, потом, когда Джим придет в себя, что-нибудь выяснится. А сейчас есть другие дела, на сегодня намечен серфинг.

Да, не удивляйтесь, уже начало одиннадцатого, а Таши Накамура хочет съездить в Ньюпорт-Бич и покататься на волнах – зайдя предварительно домой, чтобы перекусить и что-то там наладить в автомозге. Это новейшая его идея – ведь днем все волны усеяны ордами серферов, так что, здраво рассудив, если не хочешь кататься в этой орущей толпе, катайся ночью.

Все его друзья чуть животики себе не надорвали. Это, считай, фирменный знак Таши – доводить решение любой проблемы до абсолютно логичного и абсолютно бредового конца. Таши, говорит Джим, просто не верит в *reductio ad absurdum*¹⁵. И они снова смеются до колик. А-ха-ха-ха-ха.

Хоть попробовали бы сперва. Да нет, люди всегда так – судят о новых идеях, даже не испытав их в деле, а потому так и остаются в наезженной колее, так и остаются винтиками огромного механизма. Ну и бога ради, Таши ничуть не против – ведь это обозначает, кроме всего прочего, что ночные волны находятся в единоличном его распоряжении.

Самое подходящее время – полнолуние, вроде как сегодня. Около половины четвертого ночи Таши паркуется в Ньюпорт-Бич; на улице, по которой он идет с доской под мышкой, темно и пусто. Даже забавно, чего это почти все люди ведут дневной образ жизни. Теперь пошли фешенебельные прибрежные дома, выходящие на море фасады – сплошное темное стекло. Свернуть между ними, и вот, наконец, широкая полоса молочно-белого в лунном свете песка, вдоль которой расставлены тотемные столбы неведомого племени, – наблюдательные вышки спасателей.

Через каждые четыре квартала в море уходят невысокие каменные барьеры, они помогают удержать на пляже завезенный песок. Чуть подалее оконечностей этих барьеров – еле заметная в темноте белизна барашков, именно там начинают вспениваться набегающие волны.

¹⁴ Аройо – пересохшее речное русло (*исп.*).

¹⁵ Сведение к абсурду (*лат.*).

Один из секретов ночного серфинга – нужно найти хорошо обозначенное внешними ориентирами место, где гребни регулярно вспениваются. При накате с юга, а сегодня валы идут именно с юга, точки вспенивания располагаются чуть левее стенок, вон они, отлично различимы. Идеальное место.

Таши натирает свою доску и ступает в воду. Пока он бредет по мелководью и привязывает поводок доски к щиколотке, вспененный океан обдает ноги, обжигает их знакомым холодом. Бр-р-р! И все-таки – какая отличная стимуляция. Таши толкает доску навстречу очередному вспененному гребню, с размаху на нее ложится, гребет в открытое море; холодная вода попадает за шиворот гидрокостюма, и Таши отфыркивается, словно морж. Провал между волнами, здесь вода тянет вперед, теперь подъем на гребень, холодный шлепок в лицо, чистый, соленый вкус океана. Таши набирает полный рот воды, полощет ею нёбо, гортань, пока вкус этот не пропитывает его насквозь. Он вернулся в Морскую Стихию, в первоначальную среду, на эволюционную родину далеких своих предков и, вероятно, поэтому переполнен нерассуждающим, экстатическим ликованием, идущим, кажется, откуда-то из спинного мозга. Э-гей!

Ну вот началась глубина, здесь валы катятся ровно, гладко, без единого клочка пены; теперь больших усилий не нужно, достаточно грести спокойными, неторопливыми взмахами рук. Примерно напротив Сорок четвертой улицы, любимое место. Ньюпорт-Бич превратился в длинную узкую полосу белого песка, позади которой расставлены сотни черных игрушечных домиков. Ветра нет (еще одно преимущество ночи), и поверхность воды идеально гладкая, словно стекло, но только гораздо лучше. Какая-то жидкость, гуще и тяжелее воды.

Волну нужно увидеть. Тут, конечно, возникает небольшая проблема, но дальние гребни отчетливо вырисовываются миллионами дробящихся отражений луны, а черную стену близкой волны просто трудно проворонить. Сегодня накат идет слева, время от времени вздымающиеся гребни перегибаются вперед, падают, и тогда слышен резкий, отчетливый плеск, словно хлопают огромные ладони.

Таши притапливает доску, энергично гребет, чтобы уравнять свою скорость со скоростью готовой перехлестнуться волны, и встает – одним текучим, почти инстинктивным движением. Теперь усилий никаких не надо, волна несет его сама, остается только балансировать, удерживаться чуть впереди гребня. Этот полет преисполняет Таши чем-то вроде религиозного экстаза: раз все окружающее – только сплетение разнообразных волновых движений, то, оседлав эту конкретную волну, он словно включается в общий ритм мироздания. Его несут вперед те же гравитационные эффекты, которые определяют движение светил. Гудение камертона, по которому щелкнул палец Бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.